

ДОКЛАД ПП ОГПУ по ЦЧО

о контрреволюционных церковных и сектантских организациях
и группах, ликвидированных ПП ОГПУ по ЦЧО в 1930 г.

15 октября 1930 г.

№ 26431

Совершенно секретно

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Контрреволюционная монархическая организация «бுவцев»
2. Контрреволюционная организация «сергиевцев»
3. Контрреволюционная повстанческая организация в Казинке
4. Контрреволюционная церковная группа «Фанатики»
5. Контрреволюционная организация «Крестовый поход»
6. Контрреволюционная сектантская организация «федоровцев»
7. Контрреволюционная монархическая повстанческая организация «Дом Романовых»
8. Контрреволюционная организация «ермиловцев»
9. Контрреволюционная организация «Стефановцы»
10. Контрреволюционная организация «Имяславцы»
11. Контрреволюционная организация «Иоанитов»

Совершенно секретно

В течение 1929–1930 гг. на территории ЦЧО ПП ОГПУ было вскрыто и ликвидировано 3 чисто церковных контрреволюционных монархических организаций, 4 контрреволюционные организации с участием в них церковнослужителей и членов приходских советов и 30 контрреволюционных групп.

По сектантам — 4 организации, 6 контрреволюционных групп.

По крупным организациям прошло и осуждено:

1) Контрреволюционная церковно-монархическая организация «бுவцев» — 492 человека, из них попов — 81, монахов — 75, бывших офицеров — 4, бывших помещиков — 8, кулаков — 210, торговцев — 33, бывших полицейских — 8, членов СРН — 14.

2) Контрреволюционная организация «сергиевцев» — 125 человек

3) Контрреволюционная организация «федоровцев» — 42 человека

4) Контрреволюционная организация «Ермиловцы» — 52 человека

5) Контрреволюционная организация «Иоаниты» — 44 человека

Только за 1930 г. ПП ОГПУ арестовано в ЦЧО 839 церковнослужителей, 422 сектанта. Приводим наиболее характерные из организаций и групп.

Контрреволюционная церковно-монархическая организация «бுவцев»

Органами ОГПУ по ЦЧО в начале 1930 г. раскрыта и ликвидирована подпольная контрреволюционная церковно-монархическая организация, именовавшая себя «бுவцами» и ставившая своей целью поднятие массового выступления крестьянства против советской власти и восстановление монархии.

Совокупность материалов, собранных предварительным следствием, дает исчерпывающее представление о преступной деятельности контрреволюционной церковно-монархической организации «бுவцев», личном и руководящем составе ее участников, контрреволюционной монархической платформе и организационных принципах и тактике организации.

Одновременно с этим материалы следствия вскрывают социальную сущность и классовую природу «бுவщины» и определяют ее место в истории борьбы церкви против диктатуры пролетариата.

Контрреволюционная церковно-монархическая организация «бுவцев» идеологически была неразрывно связана с руководящим центром контрреволюционной монархической организации «имяславцев» и действовала, руководствуясь программной платформой, изложенной в брошюре «Что должен знать православный христианин».

В начале 1928 г., после издания митрополитом Сергием декларации и указа²⁶⁰ о признании советской власти и отмежевании церкви «от всего контрреволюционного», реакционные группы церковников в Ленинграде, Москве, Ярославле и др. районах объявили его изменником и откололись от него. Эти группы реакционных церковников организовали новый центр во главе с митрополитом Иосифом Петровых (бывшим Ленинградским митрополитом), связавшись идейно с руководящим центром «имяславия» (проф. Лосев, Новоселов, священники Андреев, Прозоров и др.) на основе его программы свержения советской власти («власти антихриста») и восстановления монархии.

Обвиняемый Дулов Н.Н., близко знакомый с руководителями «имяславия» Новоселовым, Андреевым и Прозоровым в Ленинграде и проф. Лосевым, священниками Сидоровым, Воронковым, Тихомировым и др. в Москве, показывает об этом: «...Архиепископ Дмитрий относился к «имяславцам» покровительственно, группируя вокруг себя известных деятелей «имяславия» — Новоселова, Андреева, Прозорова. Последний был одно время секретарем архиепископа Дмитрия. По своим приемам в разрезе подчинения своему влиянию церкви «имяславцы» являлись своего рода иезуитской организацией с девизом: «Цель оправдывает средства». Церковное и политическое мирозозерцание «имяславцев» тесно переплетается и вытекает одно из другого. Отсюда понятно стремление их через церковь провести свои политические воззрения, т.е. монархические идеи».

В этот период (откола церковников от митрополита Сергия) епископ Алексей Буй, управляющий Воронежской епархией, поддерживаемый ссыльными священниками в Воронеже Пискановским, Гортинским, Пироженко, Челикиным, Новосельцевым, Андриевским и др. (все, за исключением Алексея Буя и Гортинского, находятся в настоящее время в ссылке в разных районах СССР), объявил митрополита Сергия еретиком и ориентировался вначале на митрополита Иосифа Петровых (т.н. левого), но уже весной 1928 г. Алексей Буй примкнул к Дмитрию Гдовскому.

Платформа организации «бுவцев»

В мае 1928 г. Алексей Буй выехал в Москву, а оттуда вместе с Дуловым Н.Н. в Ленинград. В Москве Дулов вместе с другой контрреволюционной литературой дал Алексею Бую брошюру под названием «Что должен знать православный христианин».

Эта брошюра, составленная руководящим центром «имяславия» (Новоселов А.Ф., Андреев), явилась платформой организации «бுவцев».

Рассчитанная на верующую крестьянскую массу, эта брошюра, составленная в виде вопросов и ответов на политические темы, замаскированные ссылками на «священное писание» и «святых отцов» церкви, сыграла огромную роль в вербовке верующих в состав контрреволюционной организации «бугецев» и способствовала быстрому ее росту.

Вместе с тем, пропаганда идей этой брошюры создавала исключительно благоприятную почву для антисоветских выступлений на почве проводимых на селе мероприятий по реконструкции сельского хозяйства и подготавливала крестьянские массы к восстановлению монархии.

С первого же вопроса брошюры «Что должен знать православный христианин» руководители организации затрагивают проблемы власти и в последующих, как вопросах, так ответах, они приводят верующего к единственному выводу о том, что с Октябрьской революцией «извратился божественный порядок», и поэтому «нельзя признать» установившуюся власть законной властью.

«4 вопрос. Как следует православному христианину смотреть на современную нам гражданскую власть, которая борется с Богом и гонит святую церковь?

Ответ: Как на попушение Божье или высшее наказание и вразумление, в дополнение слов св. писания — «бывает ли в народе бедствие, которое не Господь попустил бы. Амос. 3, 6. Исаия 45, 7».

«6 вопрос. Как быть христианину, если его обвиняют в контрреволюции?

Ответ: Этим смущаться не следует. Это обвинение ложно и выдуманно врагами Христа и есть удел всех исповедников веры».

Таким образом, контрреволюционные деяния возводились «бугецами» в степень богоугодного дела. Развивая эти идеи под прикрытием религиозных изречений, «бугецы» не останавливались и перед тем, чтобы в глазах верующей крестьянской массы вообще дискредитировать Октябрьскую революцию.

«9 и 10 вопросы. Как же церковь и всякий христианин, в частности, должны относиться к революции и контрреволюции?

Ответ: ... Революция ... есть всякое насильственное действие ...»

«11 вопрос. Может ли церковь сочувствовать этому насилию?

Ответ: Нет, не может».

«17 вопрос. Чем же отличается современная нам идея государственности от идеи, установленной самим Богом?

Ответ: Тем, что ...власть передавалась сверху вниз, от Бога через верховную власть, преемственно до последнего самого начальника. 1 Петр. 2 13–14. А у современной нам идеи государственности власть, взятой снизу, передается вверх, т.е. извратился Божественный порядок, почему эту власть нельзя признать законной, т.е. нельзя признать властью от Бога, но только Богом попушенной, как выше было сказано (ответ 4)».

Здесь по существу содержания — признание законной властью лишь власть царя, т.е. проповедуется монархия. Организация «бугецев» здесь полностью восприняла монархическую установку «имяславцев».

Видный деятель церковно-монархической организации «бугецев» обвиняемый священник Бугузов так и определяет значение для организации брошюры «Что должен знать православный христианин»: «Брошюра под названием «Что должен знать православный христианин» имела наряду с богословскими также и политические вопросы, носящие откровенно контрреволюционный характер, а потому она по существу являлась политической платформой нашей организации».

Распространение ее среди актива организации доказывает, что организация пошла по пути активных действий против революции, против советской власти.

В книге «Диалектика мифа» идеологический руководитель «имяславия» проф. Лосев А. Ф. прямо говорит: «Советская власть, чуждая русскому народу. Едва тлеющая лампадка вытекает из православной догматики с такой же необходимостью, как царская власть в государстве... Для монаха революция есть сатанизм».

Построение, методы работы и классовый состав организации «бугецев»

В соответствии с поставленными задачами и стремлением наибольшего охвата крестьянской верующей массы для срыва мероприятий советской власти, в особенности по коллективизации, организация «бугецев» строилась применительно к церковно-монархической структуре, создавая свои периферийные группы, в основном около приходских советов. Имея руководящим центром Алексеевский монастырь в г. Воронеже, организация охватила своей сетью следующие районы:

1. Центр (Воронеж — Алексеевский монастырь) во главе с епископом Алексеем, после его высылки в Соловецкий концлагерь с коллегией из пяти человек: священ. Каменского — председателя, Гортинского, Марчевского, Жидяева и арх. Игнатия Бирюкова. После высылки Каменского в Соловецкий концлагерь его место занял священник Гортинский, а в коллегию в качестве ее секретаря был дополнительно введен священник Яковлев.

Разъездными пропагандистами и связистами по информации о настроениях крестьянства и руководству опорными пунктами были арх. Тихон Кречков, игумен Яцук Иосиф и иеромонах Хухрянский Мелхиседек, миряне Карцев, Карельский, Поляков и др. Для связи с Москвой и Ленинградом использовались священник Дулов Николай и священник Степанов Степан (бывший келейник епископа Алексея).

Периферия организации конструировалась по принципу централизации и охватывала почти все округа ЦЧО.

2. Острогожский округ имел опорными пунктами: 1) с. Н-Икорец, во главе со священником Бугузовым и священником Корыстиным; 2) с. Платава, во главе с Тихоном Кречковым и пятеркой из мирян (иониты²⁶¹ и др.); 3) с. Урыв; 4) с. Афанасьевка; 5) г. Буденный и 6) г. Бобров, во главе со священником Архангельским и мирянами Гусевым, Щукиным, Минаковым, Касаткиным и др.

3. В Усманском округе опорными пунктами являлись: с. Семидесятное, Хреновские Выселки, Н-Усмань и Хохол, во главе со священниками Уваровым, Пожаровым, Азаровым, Вязниковым, Вислянским, Лисицким, Ивановым и мирянами Князевым, Щеблыкиным, Швецовым и др.

4. Елецкий округ с опорными пунктами Задонск, Елец и Тюнино, во главе с арх. Стуровым Никандром, священ. Михайловым, Петиним, Аргуповым, монашками Введенской, Богомоловой, Юркиной и др.

5. Борисоглебский округ, с опорными пунктами в с. Троицком и с. Танцыри.

6. Белгородский округ, с пунктом в Дроновке и Требрино.

7. Козловский округ — Избердей и Козлов.

Некоторые из этих центров (Н-Икорец, Платава, Афанасьевка, Танцыри, Троицкое, Н-Усмань и др.) не совпадали с центрами иерархическими и, таким образом, являлись не прикрытыми иерархическим признаком (отсутствие в них благочинных²⁶²) контрреволюционными ячейками организации.

Каждый низовой центр имел свои ответвления в ряде селений. Так, Н-Икорец имел ответвления в селах Масловка, Песковатка, Селяевное, Машкино, Дракино, Бадеево, Залужное;

Бобров — в селах Семено-Александровское, Мечетка, Шиповка, Коршево, Бутурлиновка;

Хреновские Выселки — в селах Котуховка, Тулиново.

Семидесятное — в селах Старо-Никольское, Синие-Липяги.

Н-Усмань — в селах Рогачевка, Придача, Монастырщина.

Елец — в Задонске, Тюнино и др.

Кроме пунктов в ЦЧО организация имела ответвления в СКК и на Украине.

Несмотря на такую разбросанность пунктов организации, методы работы ее были одинаковыми для всех ответвлений и сводились в основном к контрреволюционной и антисоветской агитации с использованием религиозных предрассудков верующих масс. Обычно агитация против мероприятий советской власти сопровождалась предсказаниями о скорой кончине мира, о существовании антихриста в лице коммунистов и советских работников, о неизбежной гибели их и т.п. Ведя контрреволюционную работу по срыву коллективизации, члены организации распространяли слухи о том, что всех колхозников будут клеймить печатью антихриста; как на выход из положения указывали на необходимость «подняться всем против власти антихриста». Доказано, что установки о методах работы давались из центра организации.

Обвиняемый игумен Яцук показал об этом: «Когда меня приглашали в села, то со стороны руководителей Алексеевского монастыря, священников Яковлева Федора и Гортинского Сергея, мне давались пастырские советы: внушать крестьянам, что советская власть, поставленная нищими и босяками, нарушила установленный Богом порядок получения власти сверху от Бога, а не снизу, поэтому советскую власть не нужно признавать законной, Богом благословенной».

Член пятерки опорного пункта с. Хреновские Выселки кулак Щерблякин Федор показывает: «Указания по поводу поднятия борьбы против колхозного строительства и против раскулачивания мы получали от Алексеевского монастыря, который являлся руководящим центром нашей организации».

Агитация велась главным образом через раскулаченных кулаков и монашек и была направлена против колхозного строительства.

Обвиняемый руководитель опорного пункта — священник Уваров говорит об этом: «Наша организация ориентировалась главным образом на раскулаченные силы деревни. Связь с организацией центр осуществлял через имеющийся кадр монахов, монашек и мирян, последние приходили сами в Воронеж и являлись в указанное место, принимал их Каменский».

Контрреволюционная церковно-монархическая организация «бугецев» составила в основном из духовенства, бывших офицеров и дворян, торговцев, кулаков, монашествующего элемента и интеллигенции. Такой классовый состав, в свете тех задач, которые ставила себе подпольная организация «бугецев», обеспечивал конспирацию, проведение враждебной диктатуре пролетариата классовой линии, активность руководителей и членов организации в борьбе с советской властью, как в подготовке, так и в проведении классовых выступлений и восстаний.

Данными следствия установлено, что в составе руководящего центра «бугецев» были: 15 попов, 3 бывших офицера, 2 бывших дворянина и помещика, 1 представитель «Союза русского народа», 1 служащий (доцент).

В составе местных организаций только по ЦЧО в числе 470 человек состояло: 66 попов, 75 монахов, 1 бывший офицер, 6 бывших дворян и помещиков, 210 кула-

ков, 33 торговца, 8 бывших полицейских, 13 членов СРН, служащих — 2, середняков — 24, бедняков — 2, прочих — 30.

В руководящем центре (среди других) были: бывший князь, полковник генштаба Дулов Н.Н., бывший лейтенант морской службы, сын сенатора, тайного советника Стеблин-Каменский И.Г., бывший полковник Поляков и др., которые, перерядившись в священнические рясы в период 1920–1922 гг., вели систематическую борьбу с советской властью.

Влияние руководящего центра «имяславия» и внешних связей на деятельность контрреволюционной церковно-монархической организации «бугецев»

Руководящий центр «имяславия», ставивший себе целью восстановление монархии путем вооруженного восстания крестьянства против советской власти, методом подготовки вооруженного восстания избрал пропаганду своих идей под прикрытием религиозной пропаганды. В силу этого, центр «имяславия» стремился привлечь на свою сторону руководителей церкви.

Обвиняемый Дулов так показал об этом: «Они всеми силами стараются группироваться около церквей, пользующихся доверием верующих масс, скрывая свою сущность под видом православия. «Имяславцы» носят характер монархического объединения. Они стремятся захватить влияние над патриаршей церковью главным образом потому, чтобы не потерять авторитета в глазах верующих и имея в виду наличие там более благоприятных условий и нужных людей для развития своего движения. В некоторых местах они преуспевали».

Руководитель контрреволюционной церковно-монархической организации епископ Алексей Буй имел тесную связь с руководителями центра «имяславия». Его же сторонниками (архиепископом Дмитрием Гдовским) был передан Алексею Бую весь юг России и избрана ему резиденция в г. Ельце.

Следствием установлено, что епископ Алексей имел не только тесную связь с «имяславцами», но и сочувствовал им. Это находит подтверждение хотя бы в том, что основной метод антисоветской агитации (об антихристе) он заимствовал от «имяславцев».

Относясь сочувственно к «имяславцам», епископ Алексей распространял монархическую литературу, исходящую от центра «имяславия».

По возвращении Алексея Буя и Дулова Н. из Ленинграда в Москву Буй выехал прямо в Елец, в новую резиденцию, а Дулову поручил выехать в Воронеж к священнику Степанову для передачи и распространения брошюры (приведенной выше) «Что должен знать православный христианин» и другой контрреволюционной литературы.

В марте 1928 г. к епископу Алексею Бую, уже прославившемуся среди монархических церковников юга России как активному борцу за «старую веру и порядок», приехал руководитель церковно-монархической организации в Майкопском, Черноморском, Армавирском округах и Харьковщине (Сумский округ) епископ Варлаам Лазаренко, живший в то время нелегально от представителей советской власти. Свой приезд епископ Варлаам обставил глубокой конспирацией. После соответствующего обмена мнениями и информацией о положении церковников в СКК и на Украине епископ Варлаам признал епископа Алексея своим руководителем и идейным вождем и передал ему подведомственные ему (Варлааму) духовенство и верующих. Свой переход в подчинение епископа Алексея епископ Варлаам

оформил рассылкой от своего имени воззвания к духовенству с указанием, что с этого времени он, Варлаам, и все, кто ему из церковников подчиняются, переходят под руководство епископа Алексея.

Личность Варлаама особенно ярко выражена в следующих показаниях Бутузова: «В разговорах об условиях жизни в горах Кавказа епископ Варлаам заявил нам, что царь Николай II жив и скрывается в горах со всем своим семейством. На наше молчание Варлаам ответил: “Я так воспитан и люблю царя”. Епископ Варлаам сказал: “Я не признаю декларации, потому что она призывает сочувствовать советской власти, но я давал присягу царю в верности, я воспитан в монархическом духе и люблю царя”».

Объединив таким образом под своим руководством церковников ЦЧО, юга России и СКК, епископ Алексей стал проводить в жизнь монархические идеи «имяславия». Для этого он назначил руководителями отдельных звеньев своей организации стойких монархистов: по Кубани — Перепелкина, в Харьковщине — Подгорного, в горах Северного Кавказа — епископа Варлаама.

Обвиняемый Степанов об этом показывает: «Ответственными лицами в СКК у епископа Алексея Буя были в Кубано-Ставропольских губерниях священник Перепелкин, а в горах Кавказа епископ Варлаам».

Организация «бுவцев» имела также связь с еп. Дмитрием Гдовским в Ленинграде и с благочинным Василием Подгорным (г. Сумы) и его последователями, переданными потом Варлаамом епископу Алексею. Таким образом, организация «бுவцев» объединила контрреволюционные и церковно-монархические элементы не только ЦЧО, но и СКК и Украины.

После объявления декларации митрополита Сергия правая монархическая эмигрантская группа во главе с Антонием Храповицким выпустила соответствующее воззвание, а патриарх Сербский поместил в «Гласнике» обращение, объявлявшее митрополита Сергия изменником и предлагавшее прекратить с ним всякое общение.

Оба документа были написаны в ярко антисоветском духе.

И воззвание Антония Храповицкого, и «Гласник» руководящий центр «имяславия» передал через Дулова Н. организации «бுவцев» для распространения.

Обвиняемый Дулов Н. так показал об этом:

«Послание митрополита Антония и постановление съезда зарубежных епископов я получил в Москве в 1928 г. от племянницы Новоселова М. А. Катуар Татьяны Людвиговны. Она — дочь банкира. Указанную литературу она получила от Новоселова М. А., о чем она мне говорила сама».

Таким образом, контрреволюционная церковно-монархическая организация «бுவцев», связанная с «имяславием», проводила также идеи эмигрантского монархического духовенства.

Идейный руководитель «имяславия» проф. Лосев А. Ф. так говорит об эмигрантском монархическом течении Антония Храповицкого: «Наиболее близким “имяславью” из эмигрантских течений нужно считать течение право-монархическое».

Контрреволюционная деятельность церковно-монархической организации «бுவцев»

1. Центр организации «бுவцев»

Приехав из Ленинграда, епископ Алексей остановился для жительства уже не в г. Воронеже, а в г. Ельце, оставив вместо себя в Воронеже благочиннический епархиальный совет в составе благочинного Палицына (умер) и помощника его

Стеблин-Каменского, которые совместно с адм. ссыльными священниками Гортинским, Марчевским и архимандритами Бирюковым Игнатием и Кречковым Тихоном являлись представителями епископа Алексея по Воронежской епархии.

Они, сосредоточившись в Алексеевском монастыре, фактически были руководящим центром для периферийных групп организации.

Указанный выше центр, однако, был руководящим лишь для групп, расположенных на территории ЦЧО. В Северо-Кавказском крае же и на Украине епископ Алексей поставил самостоятельных руководителей местных организаций в лице Перепелкина (бывшего офицера) для Кубано-Ставрополя, Подгорного Василия — для Украины (в г. Сумы) и епископа Варлаама Лазаренко (расстрелян ПП СКК) — для гор Северного Кавказа.

После высылки епископа Алексея Буя и Каменского И. Г. в состав Воронежского центра был введен священник Яковлев Федор, и центр, существовавший нелегально, стал именоваться «пресвитерианским советом».

Непосредственными руководителями организации «бுவцев» ЦЧО и исполнителями воли «пятерки» были священники Каменский И. Г., а после его высылки Гортинский Сергей как председатель нелегального совета и Яковлев Федор как его секретарь. Благодаря им актив организации широко поставил пропагандистскую работу путем посылки на места отдельных пропагандистов-связистов. Одними из главных таких пропагандистов-связистов были архимандриты Игнатий Бирюков, Тихон Кречков, иеромонах Хухрянский Мелхиседек и священник Степанов Степан.

Для более организованной и планомерной контрреволюционной работы среди верующих центр вместе с активом организации периодически проводил совещания в церкви Алексеевского монастыря и на квартирах актива. Все совещания велись конспиративно.

Кроме совещаний, на которых вырабатывались планы и методы контрреволюционной работы, деятельность центра, помещавшегося в Алексеевском монастыре, протекала в трех направлениях:

- 1) в распространении антисоветских воззваний, брошюр и листовок по опорным пунктам;
- 2) в посылке по районам пропагандистов — связистов из духовенства и монашеского элемента и
- 3) в приеме с мест руководителей опорных пунктов и даче им директив.

Актив организации имел совещания также и в г. Ельце, но уже более широкие и с представителями от групп СКК и Украины, на коих епископ Алексей в кругу своих ближайших помощников, обсуждая общее положение организации, давал установку на дальнейшую работу.

Так, в 1928 г., в июле месяце, в г. Ельце на квартиру священника Бутузова под видом поездки на именины из разных мест приехали помощники Алексея Буя: из г. Воронежа — архимандриты Бирюков Игнатий, Кречков Тихон и священник Степанов; из г. Задонска — архимандрит Стуров Никандр, иеромонах Иоанникий; из Старо-Оскольского округа — благочинный Шмыгалев Афанасий, представители с Кубани и Харьковщины и из г. Москвы — священник Дулов Николай.

Факта наличия съезда в Ельце никто из обвиняемых, присутствовавших там, не отрицает.

2. Опорные пункты организации «буевцев»

Руководящий центр церковно-монархической организации «буевцев», будучи связан с периферийными опорными пунктами, руководил в них подготовкой выступлений крестьянства против советской власти.

Активная контрреволюционная деятельность руководящего центра «буевцев» в округах Острогожском, Усманском, Елецком, Борисоглебском, Козловском, Белгородском и др., [где] имели место массовые выступления населения против советской власти. Выступления эти развивались в такой последовательности:

- а) с. Н-Икорец Лискинского района Острогожского округа — 21.01.30 г.
- б) с. Песковатка (ответвление Н-Икорца) Острогожского округа — 22.01.30 г.
- в) с. Капанище Коротоякского района (то же) Острогожского округа — 23.01.30 г.
- г) с. Подсередное Алексеевского района (ответвление Буденного) Острогожского округа — 28.01.30 г.
- д) с. Платава Репьевского района (находится недалеко) Острогожского округа — 29.01.30 г.
- е) с. Казацкое Буденновского района Острогожского округа — 30.01.30 г.
- ж) с. Урыв, Девице, Голдаевка и Троицкое Коротоякского района Острогожского округа — 1.02.30 г.
- з) с. Драконово, Машкино, Бадеево Давыдовского района Острогожского округа (Н-Икорец) — 5.02.30 г.
- и) с. Селяевное Давыдовского района Острогожского округа (Н-Икорец) — 5.02.30 г.

Кроме того, в разное время в том же округе были выступления: в с. Коршево — 4 января; Шишовка — 14 января; Россошки — 23 января; Хлевище — 2 февраля; Репенка, Стрелецкое — 3 февраля; в Усманском районе и округе, прилегающем к Острогожскому округу, произошли выступления в [с.] Б-Мартын и Ст. Чигла 20 января 1930 г., затем перекинулись на Борисоглебский, Козловский [округа] и т. д.

Следствием установлено, что в некоторых из указанных сел выступления были подготовлены попами «буевского» толка и проводились «буевскими» группами.

В остальных опорных пунктах выступления были предотвращены ликвидацией контрреволюционных групп.

В с. Н-Икорец, в частности, квартира Бутузова была центром паломничества верующих, кликуш²⁶³, черничек²⁶⁴ из сел радиусом на 100 верст. Соответственно указаниям из центра и руководителей опорного пункта монашки и чернички вели бешеную агитацию против советской власти и особенно колхозов. В результате 21–22 января с.г. в с. Н-Икорец было массовое выступление, преимущественно женщин, которые, разгромив сельсовет, сорвав красный флаг и разорвав портреты вождей, ходили по улицам с черным флагом, с криком: «Долой колхозы!», «Долой антихристов — коммунистов!».

В с. Хреновские Выселки Усманского округа организация «буевцев» имела тесную связь с селами Верхняя Котуховка, Тулиново, Панино, Ивановка.

О деятельности этого опорного пункта один из руководителей, кулак Щерблякин, при допросе показал: «Наша организация вела активную борьбу путем пропаганды и агитации против колхозного строительства, ибо мы знали, что колхозное строительство есть путь к разрушению старого порядка и уничтожению религии. Пропаганду и агитацию против колхозов мы вели в церкви, в церковной сторожке, на улице, в хатах. Также вели борьбу против раскулачивания. Мы считали, что отобранное у кулаков имущество будет укреплять колхоз, а потому мы говорили,

что отобрал — значит украл. Указания по поводу поднятия борьбы против раскулачивания мы получали от Алексеевского монастыря» (г. Воронеж).

В Бобровском районе Острогожского округа руководящий пункт находился в городе Боброве и состоял из 5-ти человек: кулаков Касаткина, Сарзунова, Минакова и монашек Клейменовой и Меренковой, который около себя сгруппировал активное ядро из 15-ти человек и имел в своем распоряжении связистов и пропагандистов для своих филиалов в селах Семено-Александровка, Мечетка, Шишовка, Коршево Острогожского округа и в Бутурлиновке Россошанского округа.

Получая указания из Алексеевского монастыря г. Воронежа по внедрению среди крестьянской массы антисоветских идей, эта «пятерка», чтобы замаскировать свои действия, проводила собрания членов организации. Обыкновенно на этих собраниях после пения стиха, составленного на основании апокалипсиса²⁶⁵: «Скажи мне, спаситель, когда это будет...», — делались призывы не идти в колхозы, велась агитация о том, что советская власть есть власть антихриста, что скоро советская власть падет, так как близка «варфоломеевская ночь», что в колхозах будет клеймение «печатью антихриста», что там будет общность женщин и т. п.

В с. Семидесятное Усманского округа во главе опорного пункта были попы Вислянский и Азаров с кулаком Князевым, иеромонахом Вязниковым и монашкой Шиловой.

Данная организация имела свои ячейки в селах: Старо-Никольское Усманского округа, Синие Липяги, Истобное, Солдатчино, Красное и Першино Старо-Оскольского округа. В конце 1929 г. и в 1930 г. руководящие кадры данной организации усиленно обрабатывали окрестное население, вербуя себе новых последователей и направляя их по монархическому руслу.

Одной из наиболее сильных ячеек, созданных под видом религиозной общины, явилась Старо-Никольская, в большинстве своем состоящая из бывших членов «Союза Русского народа» и монашества. Контрреволюционная деятельность этого опорного пункта была направлена против проводимых советской властью и партией мероприятий в деревне с конечной целью — свержение советской власти. В процессе работы данная организация выработала определенную программу действий, в основном сводящуюся к следующему: вести агитацию и пропаганду а) против коллективизации, членам организации в колхоз не вступать; б) за неспадку излишков хлеба, членам организации хлебные излишки не сдавать; в) за выход населения из кооперации — в кооперацию не вступать; г) за неуплату самообложения, членам организации самообложения не платить; д) против советской школы и ликвидации неграмотности, членам организации своих детей в школы и членов семей в ликпункт не пускать; е) против реализации займов, членам организации займов не брать; ж) неспадку представителям власти никаких сведений ни о себе, ни о своем хозяйстве и не учинять росписей на советских документах; з) за свержение существующего строя и восстановление монархии.

В результате деятельности этого опорного пункта срывались общие собрания, члены организации уничтожали свое имущество и угрожали коммунистам и сельским активистам. Руководители этой организации кулак Князев, поп Азаров и иеромонах Вязников имели самую тесную связь с центром Алексеевского монастыря г. Воронежа, в лице священника Яковлева.

В с. Вторая Усмань Усманского округа во главе организации были попы Уваров М. Д. и Карманов В. И., монах Минаков, иеромонах Пожаров Георгий Дмитриевич и кулак Ануфриев Д. В. Организация имела тесную связь с селами Рогачев-

ка, Придача и Монастырщина Усманского округа. Всего в организации было 36 активных участников.

О деятельности ее и о руководстве ею Алексеевского монастыря один из главных руководителей поп Уваров показал: «Наша организация ориентировалась главным образом на реакционные силы деревни. Связь с организацией центр осуществлял через имеющийся кадр монахов, монашек и мирян».

Другой обвиняемый, иеромонах Пожаров, показывает: «Мы занимались проповедничеством и систематически вели пропаганду среди населения и организовали массу на активную борьбу с советской властью. Наше проповедничество и пропаганда приводили массу в движение и к столкновению с советской властью».

В результате деятельности группы в с. Вторая Усмань и Рогачевка было массовое выступление, разобраны семенной фонд и скот.

В с. Афанасьевка Алексеевского района Острогожского округа во главе организации, носившей явно выраженный повстанческий характер, были поп Попов Николай Иванович и кулаки Ходыкин Егор Васильевич, Ходыкин Михаил Карпович, Рощупкин Василий Афанасьевич и Новиков Трофим Филиппович. Организация имела тесную связь с селами Веретенниково и Ураково.

О деятельности этого опорного пункта один из руководителей, Ходыкин Егор Васильевич, показал: «В части контрреволюционной группировки, в которую входил я, поп с. Ураково Попов и др., могу показать, что наша организация ставила своей задачей срыв мероприятий советской власти, особенно колхозного строительства. Для этой цели мы устраивали собрания, на которых решали как нам выступать. Собрания происходили в доме или у меня или у попа, или в доме бедняка Четверикова, которого в числе других бедняков мы перетянули на свою сторону, пообещав им хорошую плату в случае перемены власти. 1 апреля 1930 г. в доме попа мы обсуждали вопрос устройства восстания. Для этого, по предложению попа Попова, решили пустить слухи, что у нас обновилась икона и затем использовать скопление народа для восстания. Когда это проделали и пустили об этом слух, ко мне начал приходить народ со всех близлежащих сел. Нам не удалось устроить восстания, так как нас арестовали».

Рядом других показаний наличие подготовки к выступлению доказано. Необходимо отметить, что слух об обновлении иконы был пущен и некоторым уже показали ее как «обновленную».

В с. Тюнино Задонского района во главе опорного пункта находилась бывшая игуменья Тюнинского монастыря Введенская Мария Ивановна, священник Арпунов Г. И., иеродьякон Меренков С. Д. и монашки Богомоллова М. И. и Юркина Г. Ф. Группа ставила своей задачей ослабление в деревне советской власти путем восстановления против нее широких крестьянских масс и главным образом женщин, для чего вела провокационную контрреволюционную агитацию, используя религиозные предрассудки масс. Свою контрреволюционную деятельность группировка направляла в конечном счете на восстановление монархии.

Для агитации группа имела кадр монашек.

В г. Козлове группа «бுவцев», называвшая себя «христианским кружком», имела своими руководителями священника Сосновского, архимандрита Илларию, члена двадцатки Никитинской церкви Разумовского Алексия и священника Лачинова Василия. К руководителю группы Сосновскому из Москвы часто приезжал протоиерей²⁶⁶ Дулов Николай, а Илларию он привозил даже брошюру: «Что должен знать православный христианин». В результате поездок Дулова группа Со-

сновского активизировалась в направлении борьбы с советской властью, антисоветская агитация ее усилилась.

В г. Задонске Елецкого округа во главе опорного пункта стоял архимандрит Стуров Никандр с бывшими монахами Задонского мужского монастыря. Расцвет деятельности группы и ее состав определились окончательно в 1929 г. Используя религиозные предрассудки отсталых масс крестьянского населения, они вели широкую агитацию о противодействии хлебозаготовительной кампании. Обвиняемые устраивали нелегальные сборища в квартирах архимандрита Никандра, монашек Смарагды и Юрковой, чьи квартиры являлись штабом группировки.

В основном группировка вела массовую агитацию среди крестьянского и городского населения с целью срыва государственных мероприятий, распространяла слухи о гибели советской власти в связи с событиями на Китайско-Восточной железной дороге и распространяла всякого рода антисоветские листовки и брошюры.

При изъятии Задонской группы у руководителей ее Никандра Стурова и Михайлова были при обыске обнаружены антисоветская литература и воззвания, в частности, брошюра «Что должен знать православный христианин».

В с. Платава, где во главе группы стояли поп Рыльцевич и кулак Щитковский, непосредственное руководство группой вел приезжавший из города Воронежа архимандрит Тихон Кречков.

За 4 дня до выступления кулаки с. Платава поздно вечером в местной церкви устроили нелегальное совещание, на котором обсуждали вопрос о поведении в связи с раскулачиванием. Было принято решение поднять восстание с вовлечением всего населения для борьбы против колхозов. Свое решение группе удалось осуществить 29 января с. г. В результате выступлений три дня в с. Платава было безвластие. Фактическими хозяевами села явились кулаки. Характерно, что группа твердо была уверена в гибели советской власти и пригласила из соседнего села попа, который в церкви с. Платава служил молебен за «упокой советской власти» (поп Щитковский, служивший молебен, умер).

В с. Хохол Усманского округа во главе опорного пункта были кулаки Петров Иван Алексеевич, Жаглин Павел Емельянович и Замятин Никита Иванович. Принадлежа к церковно-монархической организации «бுவцев» ЦЧО и имея связь с Воронежем, выше указанная тройка, используя религиозные предрассудки массы на почве закрытия церкви, повела бешеную агитацию против коллективизации и организованной в с. Хохол коммуны — мощной тракторной станции. «Колхоз — это безбожная организация, вступать в него не следует, советская власть есть власть антихриста», — говорили члены группы.

Группа «бுவцев» устраивала периодические нелегальные собрания, на которых обсуждала вопросы «о дальнейшем существовании советской власти». Говорилось, что советская власть держится на волоске, что в других селах уже побили коммунистов и что скоро советская власть будет свергнута.

В результате массового выступления был разобран колхозный скот и разогнана тракторная станция. Активисты села были терроризированы и только с помощью отряда удалось восстановить порядок.

В г. Воронеже центром «бувщины» было сгруппировано около себя активное ядро из монархически настроенного элемента, преимущественно монашествующих, бывших людей, интеллигенции и кликуш-странников. В церкви Алексеевского монастыря и около него всегда находились разные «старцы», «святые люди» и даже «княжны», которые среди проходящих в большом количестве из сел крестья-

янских масс, преимущественно женщин, вели агитацию, направленную против советской власти и ее мероприятий, особенно в области коллективизации.

Все международные и внутренние события в СССР по наущению центра истолковывались в антисоветском духе и передавались через посещающих Алексеевский монастырь крестьян в районы ЦЧО. Этим же активом центр «бугевины» среди верующих распространял всевозможную антисоветскую литературу.

Так, ими распространялись:

1) брошюра «Что должен знать православный христианин»;

2) листовки против сергиевского направления с ярко выраженным антисоветским оттенком.

Агитационная деятельность актива организации верующих в основном сводилась к положению: поскольку советская власть есть власть безбожников, гонящая религию, постольку ее признавать не следует, ибо не сегодня — завтра она будет свергнута, а потому каждый истинно верующий должен вести борьбу с советской властью и всяческими способами тормозить ее мероприятия.

Влияние на Северный Кавказ и Украину организации «бугевцев»

Контрреволюционная церковно-монархическая организация «бугевцев», как выше было отмечено, руководила также и церковно-монархической организацией епископа Варлаама Лазаренко на Северном Кавказе и Украине и «бугевцами» Кубани и Ставрополя.

Обвиняемый Бутузов С. показал об этом: «После водворения на жительство в Ельце епископа Алексея, началась волна присоединений. Моя квартира стала вроде странно-приемного дома, так как каждый день ночевало от двух до трех священников. Большую массу присоединений делал Сумский округ, куда епископ Алексей рукоположил не один десяток священнослужителей».

Обвиняемый Степанов, келейник²⁶⁷ епископа Алексея, показал: «После передачи своих приходов епископу Алексею, епископ Варлаам уехал в горы Кавказа и оттуда присылал своих посланных к епископу Алексею за указаниями, распоряжениями, рукоположениями²⁶⁸, награждениями, постриганием в монашество и т. д.».

Факт передачи епископом Варлаамом своих приходов под руководство епископа Алексея не отрицает и последний: «Епископ Варлаам передал мне православные приходы своей епархии, состоящие из Харьковской, частью Полтавской [областей], Майкопского и Сумского округов во главе со священником Василием Подгорным, которого я назначил благочинным над вышеуказанными двадцатью приходами».

Таким образом, церковно-монархическая организация «бугевцев» охватывала своей контрреволюционной деятельностью не только ЦЧО, но и СКК и Украину.

Контрреволюционная церковно-монархическая организация, возглавляемая в СКК епископом Варлаамом Лазаренко, ликвидирована ПП ОГПУ по СКК.

Контрреволюционная монархическая сущность «бугевской» организации, антисоветская деятельность руководящего состава и членов организации, а также платформа, тактика, связи и руководство ею со стороны «нимяславцев», а через них и заграничного монархического центра в процессе следствия вполне доказаны как свидетельскими, так и самих обвиняемых показаниями.

Дело рассмотрено Коллегией ОГПУ.

Контрреволюционная организация «сергиевцев»

С июня месяца 1928 г. церковнослужитель, благочинный Плетенев Александр Иванович, под предлогом поднятия религиозности в массах стал практиковать устройство в сельских церквях особо торжественных служб, именуемых «собраниями». На эти службы вызывалось духовенство нескольких сел и фанатично настроенные монашки, монахи, а также и кулачество, в результате чего Плетенев подобрал из 8 сел надежных, проверенных им людей:

Марков Афанасий Павлович — священник
Петренко Татион Михайлович — священник
Кудриков Георгий Федорович — священник
Горбунев Исай Яковлевич — священник
Субботин Аркадий Алексеевич — священник
Кузнецов Сергей Семенович — священник
Бессонов Иван Александрович — священник
Сергеев Петр Васильевич — священник
Куницын Иван Кузьмич — священник
Сапелкин Иван Федорович — священник
Попов Александр Платонович — дьякон
Беседин Мартын Яковлевич — монах.

С момента осенней хлебозаготовки и особенно ликвидации кулака как класса указанная группа лиц стала перерастать и переросла в контрреволюционную организацию, которая, объединив вокруг себя часть активных кулаков и монахов, насчитывала к тому времени около 100 членов. В задачу ее, как установлено следствием, входила «борьба со всеми мероприятиями советской власти, проводимыми на селе, а в особенности с колхозным строительством, путем организации массовых антисоветских выступлений».

Обвиняемый Петренко по вопросу возникновения организации показал: «В с. Сажном собравшиеся на очередную соборную службу священники Петренко Т.М., Марков А.П., Горбунев И.Я., Кудриков Г.Ф., Субботин А.А., Кузнецов С.С., Куницын И.К. и Попов А.П. остались ночевать в сарае попа Маркова. А.И. Плетенев здесь сказал следующее: «Крестьянам тяжело стало жить, начинают их затягивать в колхозы, грабят налогами». Ругая советскую власть, Плетенев впервые начал говорить о необходимости организации крестьянства, выражаясь одновременно, что «поскольку советской власти все равно не существовать, нужно постепенно разбивать и их колхозы». Он говорил, что «в этом, безусловно, им помогут лица, которых власть обидела». Тут и состоялось решение, что каждому священнику в своем селе нужно организовать лиц, которых так же, как и их преследует и обижает советская власть. Плетенев, а также и Марков говорили, что бояться не следует, т.к. при наличии такой жизни им все равно погибать, если советская власть будет существовать».

После соборной службы упомянутые выше попы под руководством того же Плетенева провели второе совещание в доме бывшего помещика Ладыгина. Об этом совещании обвиняемый Марков на допросе заявил: «Плетенев снова в присутствии всех (попов) участников соборной службы, собравшихся в доме Ладыгина, стал проводить дальнейшую работу по созданию организации. Он говорил: «Советская власть преследует церковь, а также и служителей культа, жизнь которых поставлена в невозможные условия». На эту тему завязывается разговор, и Плетенева поддерживает Субботин. В затянувшемся разговоре выливается, что

нужно противостоять этому и в основном защитить себя. Разговоры затем переходят на темы о соборных службах, за необходимость продолжать их, так как, по словам высказавшихся Плетенева и др., торжественность этих соборных служб, несомненно, привлечет массу верующих. Плетенев же переходит к тому, что начинающееся колхозное движение, по его мнению, безусловно, отвлечет народ от церкви, потому в первую очередь этому движению нужно как-то противостоять. С доводами Плетенева все согласились, а Субботин просто высказался за необходимость борьбы с колхозами. Плетенев предложил в первую очередь привлечь на свою сторону монашествующих, которым народ доверяет и которые, по словам Плетенева, принесут несомненную пользу. Здесь также отметили, что Плетенев — хороший организатор и возбудили ходатайство о необходимости награждения его палицей.

Плетенев, не ограничиваясь съездами участников организации на соборные службы, проводил совещания и у себя на квартире.

«К Плетеневу после этого начали на дом ходить священники Куницын, Кузнецов, Петренко, Субботин, Сергеев, которых он и консультировал о необходимости организации в селах кулачества для борьбы с мероприятиями советской власти путем создания вредительской агитации в деревне против проводимых мероприятий с условием законспирировать эту работу в церковно-приходских советах» (из показаний обвиняемого Маркова А. П.).

Организуемые Плетеневым соборные службы использовались: по линии прямых участников организации — для обсуждения организационных вопросов антисоветского направления, а по линии пособников организации (религиозных фанатиков) — для внедрения последними антисоветских мировоззрений. Об этом имеются показания обвиняемого Петренко:

«В основном соборные службы организовались лишь для того, чтобы привлечь массу верующих и повести среди них антисоветскую агитацию. Об этом в среде священников говорилось везде: в Сажном, Озерово, Тетеревино, во время обедов и после торжественных служб и во время самых служб в церкви, причем Плетенев давал указания, какие проповеди говорить».

Принятое решение участниками организации о ведении антисоветской агитации среди населения проводилось в жизнь.

«В с. Озерово Марков А. П. выступает с проповедью, он говорил собравшемуся народу, что в колхозы вступать не надо, ибо наступает конец света и время страшного суда, в колхозах же колхозникам будут приложены печати и они все особенно мучительно погибнут. Тут он просто призывал объединиться в борьбе с безбожниками. Здесь же выступил и Субботин. Он также сказал речь, направленную против колхоза, о наступающем конце света и приближающейся смерти безбожников. Он также призывал в колхозы не ходить» (из показаний обвиняемого Петренко).

Такие же факты отмечены и по другим селам:

«В с. Сажном появились священники, организовавшие соборные службы. Участвовало в них до 10 человек. Службы эти проходили в торжественной обстановке и продолжались с утра до вечера. Священники говорили проповеди, во время которых указывали, что переживаем последнее время, скоро будет конец света и гибель безбожникам. Все религиозные должны ненавидеть их, а отцам и матерям будет страшный грех за то, что их дети идут в комсомол. Призывали не ходить на собрания безбожников, которых они именовали «детьми сошедшего на землю антихриста» (из показаний свидетеля Уколова).

Учитывая обактивление кулачества и имея возможность объединить его вокруг церкви для антисоветской деятельности, участники организации приступают к организации контрреволюционного элемента вокруг церковных советов, о чем дается прямая директива Плетенева:

«Плетенев заходившим в дом его священникам говорил о необходимости организации в селах кулачества с условием законспирировать эту работу в церковно-приходских советах» (из показаний обвиняемого Маркова).

О подобной деятельности организации дал показание свидетель Рязанов: «Во время пребывания в с. Чурсино священника Кудрикова Г. Ф. состоялась соборная служба, на которой было очень много народа, не только нашего, но и других сел. После службы присутствовавшие священники Плетенев, Сергеев, Субботин, Куницын, Горбунев и Марков сошлись в доме Рязанова на обед, во время которого священники говорили, что в нашем селе нужно организовать население. После этого обеда кулаки Рязанов, Литвинов сказали, что в помощь церковному совету, состав которого в то время был середняцкий и бедняцкий, они дадут монашку Рязанову, и когда председатель церковного совета Каменев Михаил Пахомович от этой помощи отказался, кулаки, по настоянию священника Геронтия Кудрикова, церковный совет просто разогнали, а сами стали в нем работать».

Организация для антисоветской деятельности посылала по селам Белгородского района группу монашек во главе со «странником» Бесединым, которые, выдавая себя за пророчиц, распускали провокационные слухи среди населения. Обычно метод был один и тот же: «Монашки Беседина и Козина обыкновенно, приходя в деревню, впадали в беспамятство и кричали, на крики собиралась толпа любопытных, а Мартын Беседин, доставая Библию, начинал читать и все прочитанное истолковывал по-своему. Говорил о скором пришествии страшного суда, о том, что советская власть — власть пришедшего на землю дракона, скоро погибнет и что страшная гибель ждет всех колхозников, записавшихся в колхозы. Это на слушателей производило большое впечатление. Безумные крики матери Беседин объяснял тем, что плачет она лишь потому, что горе заблудившимся, так как советская власть скоро погибнет и погибнут вместе с ней колхозники».

На вопрос к Беседину Мартыну: «Зачем он это делает?» — Отвечал: «Не ваше дело вмешиваться в мои дела. Меня просили это делать Плетенев, Марков и Субботин» (показание обвиняемого Петренко).

В селах Белгородского района, охваченных влиянием контрреволюционной организации, имелись группировки из числа кулаков, которые проводили в жизнь мероприятия, намеченные организацией, вели контрреволюционную агитацию, организовывали массовые выступления, предварительно собирая членов группы на нелегальные совещания для обсуждения плана контрреволюционной деятельности. По отдельным селам деятельность организации выразилась в следующем:

Село Сажное. Организовалась группа из монашек, которая занималась систематической антисоветской агитацией. О ее деятельности свидетельница Маркова показала: «Монашки Ладыгины являются на селе модистками и чтобы сшить что-либо или выкроить, к ним обращались почти все женщины нашего села, а также и других. С женщинами заводили такие разговоры: «Вот придет скоро конец света, настанет время антихриста, будет класть печать на чело и будут брать подписки». Упрашивали ходить в церковь, крестить детей, ибо все оттолкнувшиеся от этого погибнут, а будут жить только те, кто верует и ходит в церковь».

«Монашка Асеева-Чернова Марфа была тесно связана с [монашками] Ладыгинскими и озеровскими монашками, они часто ходили в с. Озерово, а озеровские — к ним. Особенно активно в молениях, устраиваемых монашками, принимали участие все женщины Селеменовки. Собиралось по праздникам очень много народа, бывавшие у монашек женщины до сих пор не идут в колхоз, говоря, что лучше пусть побьют, а черту душу не подпишем и печать на лбу поставить не дадим. Монашку Асееву-Чернову знаю и от нее сама слышала о том, что она читает в Библии все то, что сейчас сходитя, а именно: отбирают хлеб, имущество; по ее словам, Библия предсказывала гибель всем неверующим в скором времени. О колхозе она говорила, что дело это антихриста и что там людей будет печатать, прикладывая печати ко лбу» (показания свидетельницы Поповой).

Антисоветской агитацией среди населения также занимались и другие участники организации, как-то председатель церковного совета Марков Ф.И. ходил по домам крестьян, говорил: «Скоро будет война, тогда всех колхозников перевешают».

Кизилов говорил: «Зачем вы записались в колхоз? Вот весной будет война, так покажут вам, как записываться в колхоз, а сейчас заберут у вас весь скот и вас посадят на голодный паек».

Не ограничиваясь агитацией, группа с. Сажное пыталась спровоцировать выступление. Свидетель Полуэктов об этом показал: «Первое нелегальное собрание церковного совета после закрытия церкви состоялось в доме Петра Ивановича Маслова, после того, как он съездил в Сабынино к ктитору Серебрянскому и последний научил его, как открыть церковь. На этом собрании в доме Петра Ивановича Маслова были Гавриил Михайлович Полуэктов, Федор Иванович Марков, Прохор Васильевич Кизилов. Они решили подать заявление в ГПУ или прокурору, в котором неправильно обвинить актив села в превышении власти и неправильном, под угрозами оружия, закрытии церкви. Тогда, когда приедут расследовать, нужно ложно подтвердить все это и церковь откроют, как это сделано в Сабынино и других селах. Об этом говорили и на собрании в доме Полуэктова Гавриила спустя некоторое время, где я также присутствовал».

Вскоре после этого участниками организации было там проведено массовое выступление против коллективизации и закрытия церкви. Выступавшими были избиты члены сельсовета и члены ВЛКСМ.

По вопросу подготовки выступления обвиняемый Марков показал: «Выступление в с. Сажном в октябре месяце организовал Плетенев. Он в момент постановления сельсовета был в Сажном, а в день выступления ушел в Правороть. Марков Федор Иванович, Каменев Максим Иванович, Уколов Исай Никитич, Маслов Петр Иванович, Полуэктов Григорий Михайлович предварительно совещались в квартире Маркова под руководством Плетенева, а затем ходили по селу и агитировали среди женщин о необходимости выступления. Указанные лица во время совещания говорили: "Пусть выступят женщины, мы же пойдем в крайнем случае, если это потребуется"».

В с. Озерово под руководством монаха Беседина Мартына существовала контрреволюционная группировка из 13 человек, которая вела систематическую агитацию против проводимых мероприятий советской власти, в частности, против хлебозаготовок, коллективизации. В результате контрреволюционной организации* группа добилась срыва организации колхоза. Провокационными слухами о том, что якобы «на селе будет закрыта церковь», было вызвано массовое выступление населения.

* В источнике — «организации», но, по-видимому, следует читать «агитации».

Сел. Киселево. Под руководством церковного старосты бывшего стражника Синегубова организовалась группа из 11 человек, связь с которой поддерживал монах Беседин. Эта группа кроме распространения провокационных слухов и антисоветской агитации, используя религиозные чувства населения, спровоцировала массовое выступление и подстрекала выступавших к убийству советских работников. Свидетель Самойлов о ходе этого выступления показал:

«8 января 1930 г. во время массового выступления я находился в толпе рядом с односельчанами Гулевским Яковом, Подпориным Николаем, Синегубовым Стефаном, Синегубовым Иосифом, Канищевым Павлом Владимировичем. После того, как Гулевский и Подпорин высказывались против комсомольцев и сельсовета, коих они обвиняли в закрытии церкви, толпа была сильно возбуждена и в это время Синегубов Стефан, Синегубов Иосиф и Канищев П.В. говорили Гулевскому Якову, чтобы он подошел к крыльцу школы, на котором стояли секретарь райкома ВКП(б) тов. Попов, председатель сельсовета тов. Мальцев и несколько комсомольцев, и столкнул бы их в толпу с криком: "Бей их!", — а мы потом возьмем их в работу. Хорошо помню слова Синегубова: "Ты большой и сразу можешь столкнуть их всех, а мы палками (которые действительно были у них в руках) перебьем руки и ноги". После этих слов Гулевский пошел к крыльцу, но его туда не подпустили».

В с. Ольшанец группа кулаков в числе 8 человек под руководством бывшего урядника Съедина, друга Синегубова (из с. Киселево), вела систематическую антисоветскую агитацию среди населения. Являясь на собрания граждан села, разрешавших вопросы о проведении в жизнь мероприятий советской власти, срывали их. Ведением антиколхозной агитации добились срыва колхозного строительства в этом селе. Руководитель группы Съедин организовал теракты над советскими работниками, о чем показал один из вербуемых им для совершения теракта Съедин И.Ф.: «Осенью 1929 г. я стоял на крыльце местного кооператива. Ехавший в это время мимо кооператива Съедин Никита Васильевич, поравнявшись с кооперативом, остановил мою лошадь и поманил меня рукой к себе. Когда я подошел к нему, он таинственно предложил мне следовать с ним за подвал кооператива, где стал провоцировать меня на убийство председателя сельсовета Съедина Афанасия, и, когда убедился в том, что я на это дело иду, предупредил меня, чтобы я о происходившем между нами разговоре никому ничего не говорил словами: "Смотри, если что случится, так ты молчи"».

На председателя Съедина А.П. действительно было покушение.

В с. Лески кулацкая группа под руководством попа Сергеева Петра проводила систематическую агитацию среди крестьян с призывом «не подчиняться советской власти». Группировка созывала нелегальные совещания для обсуждения контрреволюционной деятельности, на которых присутствовал глава организации Плетенев. Одновременно в этом селе была вскрыта группа молодежи из 20 человек, в которую входили дети участников организации. Группа эта ставила задачей поджоги имущества колхоза и колхозников. О цели поджогов один из участников, допрошенный по делу, показал: «Поджоги использовались не только как метод запугивания активистов-колхозников и общественников, а и главным образом к недопущению роста за счет новых членов колхоза, его организационного закрепления и, особенно, чтобы важнейшие вопросы экономической политики, проводимые на селе, не получали полного организационного закрепления, почему поджоги в своем большинстве приурочивались в дни, когда сельсоветом проводились те или иные общие

собрания по вопросам хлебозаготовок, самообложения, коллективизации, весенней посевной кампании и т. д.».

В остальных селах, Непхаево и Гостищево, группы кулаков вели работу аналогично с работой вышеизложенных групп, т. е. проводили контрреволюционную агитацию, распространяли провокационные слухи, пользуясь религиозным убеждением части отсталой крестьянской массы, провокацией побудили к массовому выступлению против колхозного строительства под предлогом протеста против закрытия церкви.

Арестовано участников организации 125 человек. Осуждено — 88, остальные освобождены за недостаточностью преступления и как середняки, спровоцированные кулаками.

Дело рассмотрено тройкой ПП ОГПУ.

Контрреволюционная повстанческая организация в Казинке

Начало активной деятельности данной повстанческой организации относится к моменту осенней хлебозаготовительной кампании 1929 г. С этого времени по инициативе бывших жандармов Аносова Антона Ивановича, Морнева Трофима Ефимовича и Шамрина Павла Ивановича начинается создание контрреволюционной организации и вербовка сторонников. Цель организации — устройство вооруженного восстания весной 1930 г., почему особенно активная работа начинается с января месяца 1930 г. С этого момента учащаются совместные сборища членов организации и обсуждаются планы антисоветской деятельности.

Весна 1930 г., по мнению руководителей организации, являлась наиболее удобным моментом для поднятия восстания в связи с ожидаемой интервенцией со стороны капиталистических государств. Кроме этого, в оживлении деятельности организации играло большую роль проведение сплошной коллективизации. Один из руководителей организации Аносов А. И. так ставил об этом вопрос: «Весна подходит, надо торопиться с восстанием, пока еще не прошла сплошная коллективизация, иначе дело будет хуже, и крестьяне пойдут за нами неохотно» (показание участника организации Волобуева).

По показанию члена организации Шамрина, главным вожаком и руководителем восстания предполагался Аносов, как человек опытный, уже участвовавший в Ливенском восстании 1918 г., это также подтверждает один из участников организации Волобуев: «1 или 2 января с. г. я приехал в Казинку с целью довыяснить сущность организации, ее цели и задачи, для чего я заехал к Шамрину, с которым мы договорились, что вожаки у нас есть, самым главным будет Аносов, как человек опытный, участвовавший в 1918 г. в Ливенском восстании».

По вопросу подготовки восстания, как об этом показал обвиняемый Волобуев, в одном из разговоров с ним участник организации Шамрин заявил: «Все участники организации уже взяты нами на учет и проверены. Этих людей мы можем призвать в любую минуту, и они нас поддержат. Сейчас мы думаем потихоньку сплотиться, т. к. есть твердые слухи, что будет война, а поэтому момент самый удобный к восстанию, зевать ни в коем случае нельзя».

При этом разговоре присутствовал Аносов, который к сказанному Шамриным добавил: «Вооруженное восстание нам надо сделать в самый разгар войны. В момент восстания мы первым делом должны арестовать местную власть, захватить местный кооператив, чтобы поднять толпу, а потом двинемся на РИК. В Ливенском восстании делали так же. Все окружающие деревни по дороге к нам, безусловно, присоединятся» (показание Волобуева).

В январе месяце 1930 г. организация делает усиленные попытки к приобретению пулемета в соседнем селении Белая Гора Ливенского района, обвиняемый Волобуев показал об этом: «На мой вопрос: “Без оружия плохая будет организация?”, — Аносов ответил: “Сейчас хотя нет пулемета, но мы его разыскиваем”. Спустя недели две Аносов об этом пулемете мне рассказал следующее: “Вчера мы втроем, я, Шамрин и Морнев, говорили в отношении пулемета и решили достать его. Я взял на себя обязанности достать его и уже нащупал почву. В дер. Белая Гора у меня есть дальний родственник, который говорил, что пулемет у них в селе есть почти исправный, недостает только двух простых частей, которые может с успехом сделать любой кузнец”. Далее Аносов сообщил мне, что он уже ходил в это село за пулеметом, но не застал лицо, у которого пулемет спрятан».

В организацию вовлекают только что вышедшего из тюрьмы бандита Ремизова Карпа, предполагая использовать последнего в качестве поставщика оружия. Через него выявляется и приобретается динамит с назначением взрыва районных учреждений и Елецкого ИТД в целях стимулирования повстанческого движения крестьян против советской власти.

По показанию обвиняемого Дитяткина, бандит Ремизов при покупке динамита заявил ему: «Динамит нам нужен для взрыва Елецкой тюрьмы, распустим заключенных, они — наши братья, и устроим восстание в нашей деревне. Взрыв тюрьмы будут проводить наши, проживающие в гор. Ельце».

Одновременно с этими членами организации проводится широкая антисоветская агитация, направленная к срыву мероприятий советской власти на селе. Отдельные члены организации систематически производят угрозы низовому советскому активу. Участник организации Печерских Павел Николаевич, встретив на улице уполномоченного Воловского РИКа по хлебозаготовке Ремизова, сказал ему: «Подождите, сволочи, не долго уж терпеть осталось. Скоро мы вам покажем. Только соберемся с силами, ремней из ваших шкур наделаем» (показание свидетеля Ремизова).

В своих целях организация использовала и церковь. Активный член организации священник Калинин систематически вел пропагандистскую работу, выступая с проповедями о приходе антихриста и агитируя против колхозного строительства: «Терпение в народе уже лопнуло и весной будет резня. Иностранцы государства произведут нападение на Советский Союз, а в это время внутри страны вспыхнет восстание. Советскую власть свергнут, а коммунистов и всех им сочувствующих порежут. Надо ждать этого момента, все равно верх будет на нашей стороне» (показание свидетеля Волобуева).

В церковный праздник Крещение поп Калинин среди молящихся крестьян вел агитацию, проповедуя: «...По Евангелию в 1930 г. придет антихрист, этот антихрист уже пришел в лице коммунистов. Коммунисты — это антихристы. Вся их политика направлена к тому, чтобы разорить крестьян» (показание свидетеля Рдачева).

Такие проповеди в декабре 1929 г. и в январе 1930 г. Калининским читались систематически.

При ликвидации организации было изъято 9 снарядов динамита, 4 капсулы и шнур детонатора. Арестовано 18 человек участников организации.

Контрреволюционная церковная группировка «Фанатики»

В 1922 г. из с. Красная Долина бывшего Нижнедевицкого уезда переехал на жительство в гор. Воронеж священник, тихоновец Бучнев Митрофан Федорович, вместе со своей семьей и черничками Пономаревой Агриппиной Петровной, Хорошиловой

Пелагеей Ивановной и Абашкиной Прасковьей. Последние Бучневым были взяты как сироты на воспитание. Еще будучи священником в с. Красная Долина, Бучнев прославился среди крестьянства как «исцелитель бесноватых и знахарь».

Поселившись в гор. Воронеже по ул. Бедноты № 61 у двух черничек, старух Павленковых Прасковьи и Агриппины, Бучнев продолжает принимать «больных» и «бесноватых» и совершать разного рода моления. К нему из сел приезжают кликуши и «бесноватые», которых он «исцеляет» и предсказывает им будущее.

Главным помощником у Бучнева по приему «больных», управлению хозяйством, а также по вербовке последователей и распространению славы про него была Пономарева Агриппина Петровна, бросившая в с. Красная Долина мужа и впоследствии сделавшаяся второй женой Бучнева.

Считая советскую власть главной виновницей всех бед православия, Бучнев старается путем толкования священных книг внедрить в сознание своих приближенных, что советская власть есть власть антихриста, «которой, по писанию, существовать придется недолго»; что советская власть — Богом посланное наказание и т. п. Приходящие к нему кликуши разносили эти слова в села.

Так как с одними черничками создать себе авторитета он не мог, Бучнев в 1923 г. знакомится с бывшим крупным землевладельцем и собственником нескольких домов в г. Воронеже Веретенниковым Сергеем Митрофановичем, сын которого вместе с генералом Шкуро принимал участие в набегах на Советскую Россию и в данное время находится в Париже.

На религиозных молитвенных собраниях Бучнев и Веретенников последовательно вербуют в свой круг явных монархистов с целью создать группу для противодействия мероприятиям советской власти, и уже в 1927 г. они имели в своем кружке следующих лиц: бывшего помещика Чурилова Павла Павловича, административно высланного; жену областного агронома Рудакову Евгению Павловну; агронома Чугунова Якова Яковлевича; преподавателя школы № 3 II ступени Ватутина Михаила Тимофеевича; доктора Шпигановича Владимира; приказчика Воронежжторга Уйманова с женой Варварой Александровной; жену советского служащего Чирко Елизавету Алексеевну; бывшую учительницу Екимову Марию Ивановну; носильщика ст. Воронеж—1 Фомина Петра Алексеевича; агронома Бадину Веру Александровну; крупную домовладелицу г. Воронежа Анну Яковлевну Квитченко, по образованию инженера, и крупную домовладелицу Агнесу Яковлевну Лихоносову. Обе последние имеют в Германии отца, а в Москве близких родственников Бари, бывших до революции пайщиками в предприятии их отца Генрихсдорфа. К ним примыкали, кроме того, служащая областного статистического отдела г. Москвы Анисифорова Анна Васильевна, проживающая в г. Воронеже по Чернавской ул., № 10, в 1924 г. арестовывавшаяся в г. Москве органами ОГПУ вместе с группой студентов союза христианской молодежи, как имеющего связь с заграницей (в данное время Анисифорова уволилась из статистического отдела и проживает в г. Воронеже у своей матери); художник г. Москвы Шитов Алексей Кузьмич, проживающий по Кречетниковскому пер., д. № 7, кв. 5, и ряд других лиц.

Кроме того, Бучнев имел в своем распоряжении около 30 черничек — девушек крестьянок, которых он для удобства пристроил у своих приближенных в г. Воронеже: одних под видом прислуг, а других как дальних родственниц и приживалок. На обязанности этих черничек лежало: поездка в села для сбора средств, агитация среди населения против советской власти, осуществление связи с кулачеством и т. п. Они же исполняли у Бучнева при молениях роль певчих.

Черничек Бучнев привлек в свою организацию тем, что обещал в скором времени построить монастырь, «где они найдут приют и почет». При этом он говорил им, что советской власти осталось существовать недолго, а потом, когда она будет свергнута, жить станет хорошо. До того же надо «подготовляться к монашеской жизни, живя около него и слушая его наставления».

В 1928 г. Бучнев привлек в свою организацию дьякона Ильинской (тихоновской) церкви Присяжного Михаила Калиновича, надеясь, что он как административно высланный и бывший казачий офицер окажет существенную помощь группе в распространении антисоветских идей.

Проводя регулярные собрания на квартирах Уйманова, Квитченко и Фомина, Бучнев своим приближенным читал священное писание и на основании его предсказывал скорую гибель советской власти и возрождение новой жизни. Измышляя провокационные слухи, он говорил, что «советская власть осквернила землю, поэтому в Девичьем монастыре из ног Спасителя (икона) появилась кровь; все это есть предсказание скорой войны». Эти слова распространялись через приближенных в деревнях. Так, в селах Грайворонка и Красная Долина их передавали сестры Светозаровы (дочери умершего священника). В формах антисоветской деятельности группа Бучнева была изобретательна.

Не ограничиваясь использованием членов кружка, она, приблизив слабоумного Бессарабова Максима Павловича и дав ему название «юродивого», повела агитацию среди населения о скором падении советской власти, зная, что на юродивого фанатика смотрят как на святого человека. В успехе своего дела Бучнев был уверен, о чем неоднократно заявлял приближенным. Даже посторонним он высказывал уверенность в скором падении советской власти. Так, священнику Бучиловскому, беженцу из Польши, Бучнев весной 1928 г. сказал: «Через год погонят из России большевиков, а за ними погонят и вас на родину».

Свою антисоветскую деятельность группа Бучнева прикрывала религиозно-мистическими обрядами, а часто и просто шарлатанскими трюками. Приходящих к Бучневу просителей принимала непосредственно Пономарева Агриппина, которая, выдавая, зачем пришел проситель, откуда он и т. д., передавала сведения о нем Бучневу.

Последний, принимая посетителя, пророчествовал, откуда посетитель пришел, зачем и что его ожидает. Обыкновенно Бучнев говорил иносказательно. В результате ошеломленный проситель шел домой и разносил «славу» о Бучневе как о прорицателе.

Были и другие стороны шарлатанства. Так, при изгнании бесов Бучнев сначала молился, а затем брызгал «святой водой» и мазал пупок больного «святым маслом». Все это проделывалось за известную плату, которую по договоренности собирала Пономарева Агриппина. Сам же Бучнев для большего эффекта ни с кого ничего не брал. Плата за исцеление и пророчества не являлась единственным доходом группы. Гораздо большее место занимало обирание почитателей Бучнева. Отмечено много случаев таких обираний, наиболее же характерны два: поклонница Бучнева Луша под влиянием религиозного фанатизма и уговоров его отдала последние 500 руб. Бучневу «на хор». Когда муж Луши потребовал отчета от нее, последняя пошла к Бучневу просить возврата денег. Не получив их, она от страха перед мужем сошла с ума. Боясь огласки, Бучнев приказал Агриппине Пономаревой запереть Лушу у себя в подвал под видом «замаливания грехов» и держал ее там до тех пор, пока Луша уже близка стала к смерти. Вскоре Луша померла.

Когда на рынке не стало хлеба, Бучнев через черничек заготовил у последователей своих кулаков около 100 пудов муки и 150 пудов картофеля, которые скрыл в сарае и в подвале. При обыске все это было обнаружено.

Грязная личность Бучнева и его активная определяется особенно ярко его взаимоотношениями с черничками, которых он использовал как женщин.

Все это облекалось в форму обрядности: он садился голый на стул, две девушки поддерживали его сзади, а несколько девушек ему расчесывали волосы, остальные стояли вокруг и пели молитвы. В целях создания стимула для большего рдения он всем своим приближенным девушкам делал обрезание ногтей как знак высшей почести для них.

Большинство черничек обслуживали Бучнева ради «спасения души». Отношение к ним Бучнева было резкое, а подчас даже грубое, иногда он бил их, причем экзекуции обычно объяснял изгнанием беса. Характерно, что когда у одной из этих девушек спросили, почему она позволяет бить себя, та ответила: «Да разве он (Бучнев) меня бьет, он из меня “нечистого” выгоняет».

По делу арестовано 6 человек.

Дело, как вскрывающее поповский обман, слушалось в областном суде. Бучнев получил 5 лет концлагеря.

Контрреволюционная группа «Крестовый поход»

В связи с объявлением Папой Римским «крестового похода» против советской власти в с. Чурюково Старо-Юрьевского района ЦЧО по инициативе священников Орлова Василия Ивановича, Троицкого Александра Владимировича и бывшего дьякона, ныне священника Попова Алексея Ивановича была организована контрреволюционная группировка из зажиточно-кулацкого элемента сел Б-Дорога, Казанское и Заворонежское, в состав которой входили Тарабрин Игнат Ульянович, Воропаев Василий Дмитриевич, Тарабрин Семен Денисович, Неретин Степан Павлович, Баклыков Иван Яковлевич, Орлов Козьма Петрович, Потапов Роман Павлович, Устинов Гавриил Филиппович и др., ставящая своей целью и задачей оказание всемерного содействия и помощи «крестовому походу» и ведение агитации среди населения в этом направлении.

Поименованные выше лица, будучи связаны классовыми интересами, единством намерения и враждебно настроенными к существующему строю, периодически устраивали свои нелегальные собрания друг у друга, а также в церкви, на которых вели суждения антисоветского характера, направленные против всех мероприятий, проводимых советской властью в деревне, которые выносили в массу крестьянства, среди которого систематически вели агитацию в этом направлении, распуская при этом разного рода слухи провокационного характера, в частности, о приходе Папы Римского, о войне и др.

В марте с.г. по инициативе священника Орлова, Троицкого Александра и бывшего дьякона Попова Алексея Ивановича в церкви после богослужения было устроено нелегальное собрание с целью оказания помощи «крестовому походу», объявленному Папой Римским. На данном собрании присутствовали все поименованные выше кулаки, а также и др. граждане с. Чурюково. Священник Орлов, обращаясь к присутствующим, говорил: «Православные христиане, большевики делают большое гонение на церковь, нашего брата арестовывают и сажают в тюрьмы, даже за границей узнали о нашем положении, и вот Папа Римский объявил “Крестовый поход” против советской власти и хочет избавить нас от этого гонения, а мы, в свою очередь, должны оказать всемерное

содействие и помощь этому “Крестовому походу” и требовать, чтобы на нашу православную церковь не было никакого гонения, нам теперь осталось терпеть недолго».

Священник Троицкий, подтверждая сказанное Орловым, добавил: «Во что бы то ни стало и мы должны это сделать, так как нас замучили совсем и не дают никакого житья. Раз Папа Римский взялся за это дело, то мы должны его поддержать».

Бывший дьякон Попов, подтверждая сказанное Троицким, добавил: «Нужно дружной организовать и дать помощь Папе Римскому, ведь невозможно совершенно стало жить, ну ничего, скоро отмучаемся, так как теперь осталось недолго, Христос терпел и нам велел».

Орлов Андрей, Баклыков Иван и Неретин Степан сделали выкрик: «Скорей бы этому игу и насилию пришел конец, ведь никому не дают никакого житья, совсем всех разорили и ограбили, мы обязательно должны поддержать Папу Римского и говорить об этом народу».

Присутствующие остальные кулаки и граждане подхватили общим хором слова священников, крикнув: «Нужно поддержать Папу Римского, так как он избавит нас от этого мучения!»

После указанного нелегального собрания участники группировки начали вести систематическую агитацию в этом направлении, распространять разного рода слухи провокационного характера, в частности, относительно войны, о приходе Папы Римского и др., наряду с этим ведя агитацию против мероприятий власти, проводимых в деревне, в частности, против коллективизации, [ликвидации] кулака как класса, посевной кампании, контрактации скота и др.

Тарабрин Игнат Ульянович, участник данной группировки, бывший церковный староста, член СРН, во второй половине марта месяца с.г. около кооперации в частной беседе среди приезжих крестьян, ведя агитацию о помощи «крестовому походу», говорил: «Нужно всему нашему населению и др. селений поддержать Папу Римского, т.к. он идет на Советский Союз, на защиту христианской церкви и веры православной, за путь истинный и веру и для поддержки и помощи Папе Римскому у нас организована большая группа, поэтому в эту группу вам надо всем входить».

В связи с происходившим XVI партийным съездом участниками группировки среди крестьян распространялись усиленные провокационные слухи о расколе партии большевиков и о ранении на съезде Ворошиловым Сталина.

В начале июля месяца с.г. кулак Баклыков Иван около конторы Табаководного товарищества по этому вопросу в группе крестьян говорил: «На съезде Ворошилов ранил Сталина за то, что он идет против крестьян, что правые взяли верх и теперь не будет на крестьян такого гонения и нажима, который делается со стороны власти в данное время, что Ворошилов и с ним вся Красная Армия идет против съезда за крестьян».

Такого же характера слухи распускал среди населения и сын кулака Устинов Гавриил, который наряду с этим стремился внести данные слухи в ряды Красной Армии. С этой целью он 21 апреля с.г. написал своему брату письмо, находящемуся в гор. Усмани в 17-м саперном батальоне, в котором писал: «Советская власть грабит и разоряет крестьян — хоть живым в могилу зарывайся, тянут, тянут и тянут без конца. Красная Армия вся против политики партии, потому что власть задавила мужиков, стали Красную Армию посылать на усмирение крестьянского восстания, но она отказалась, говоря: “Вы наших отцов давите и задавили”, — и не пошли на усмирение. Ворошилов, заспорив со Сталиным, сказал: “Почему советская власть задавила отцов красноармейцев?” — на что Сталин ему ответил: “Ну, а

что же, а как же ты думаешь иначе поступить?» — тогда Ворошилов не вытерпел и произвел выстрел в Сталина, ранив тяжело последнего».

В связи с предстоящей хлебозаготовительной кампанией участники указанной группировки в частных беседах и разговорах среди крестьян вели агитацию против сдачи хлеба государству, говоря, что «мы во время хлебозаготовки хлеба не дадим, пусть нас лучше побьют, нужно хлеб зарывать в ямы, а без хлеба советская власть подохнет. Вы, беднота, хлеб не везите, т. к. власть вам никакой помощи не оказывает, и вас скоро с голоду поморят».

В конце июня месяца с. г. возле церкви собралась толпа верующих, в числе которых были кулаки Чернышов Яков, Орлов Андрей, Тарабрин Семен, Воропаев Василий, Неретин Степан, Баклыков Иван, Орлов Козьма и Потапов Роман, которые среди собравшихся вели агитацию против сдачи государству хлеба, при этом Баклыков Иван говорил: «Если мы будем помогать власти, то нас окончательно зажат, мы не должны давать ничего, пусть они подохнут с голоду, лучше в землю зарыть, чем им дать».

Орлов Андрей, подтверждая его слова, говорил: «Нам сейчас все равно: или жить, или умереть». Неретин Степан, подтверждая его слова, добавил: «Я лучше все в земле сгною, но этим грабителям не дам». Чернышов Яков Никандрович добавил: «Всех проклятые разорили, но им немного осталось жить».

Указанная выше группировка, существующая в с. Чурюково, имела свое влияние на связь с другими селами Старо-Юрьевского района, в частности, с с. Спасским и Ново-Никольским, где также велась агитация о помощи «крестовому походу», распускались разного рода провокационные слухи и велась агитация против мероприятий советской власти, проводимых на селе.

Священник с. Никольское, бывший дьякон с. Чурюково Попов Алексей, перейдя служить в с. Никольское, начал вести агитацию среди населения о приходе Папы Римского и против мероприятий, проводимых властью.

В мае месяце с. г. на Николу Попов, ходя по селу и ведя агитацию в этом направлении, говорил: «Скоро должна провалиться советская власть, вот уже по кооперациям ничего не стало, т. к. до этого довели коммунисты, которые умеют только грабить крестьян да загонять насильно в колхозы, и если так будет продолжаться в дальнейшем, то весь народ погибнет. Вот Папа Римский объявил “крестовый поход”, и нам нужно его поддержать, а кто не поддержит, то придет Папа Римский и всех перевешает».

В с. Спасском Старо-Юрьевского района священник Лебедев Константин Михайлович, Амплиев Николай Михайлович — дьякон, псаломщик Троицкий Николай Владимирович, сектант Акимов Василий Сергеевич и кулак-торговец Дмитриев Павел Никитович, имея связь с селом Чурюково, в частности, с руководителями контрреволюционной группировки Орловым, Троицким и Поповым, имели между собой также тесную связь, посещали друг друга, неоднократно собирались в церковной сторожке, где вели суждения антисоветского характера, которые выносили в массу крестьян, среди которых вели агитацию против проводимых мероприятий властью на селе, распускали разного рода слухи провокационного характера, в частности, относительно прихода Папы Римского.

19 августа с. г. указанная группировка в числе 13 человек была изъята и привлечена к ответственности. Следствием вполне доказана 58—10 ч. 2 и 58—11 ст. ст. УК.

Дело закончено и в ближайшее время ставится на рассмотрение в Судебной тройке при ПП ОГПУ.

Сектанты

Контрреволюционная сектантская организация «Федоровцы»

В начале 1929 г. в Россошанском округе ЦЧО был ликвидирован актив контрреволюционной секты «федоровцев» в числе 42-х человек.

Материалы следствия рисуют следующую картину: в сл. Новый Лиман бывшего Богучарского уезда, в бывшем Донецком монастыре в 1923 г. появился из СКК монах Федор Рыбалкин, который объявил себя «святым», стал симулировать всевозможные «чудеса» и «исцеления». В результате к Рыбалкину открылось паломничество, стало расти число последователей, и секта к 1929 г. оформилась. В 1926 г. Федор Рыбалкин и актив секты за антисоветскую агитацию были привлечены к ответственности.

В процессе следствия было установлено, что Рыбалкин со своими приближенными среди приходивших к нему паломников вели контрреволюционную работу, направленную к свержению советской власти и к восстановлению монархии.

При производстве операции у «федоровцев» были обнаружены царские портреты, наклеенные на оборотных сторонах икон.

Виновность Рыбалкина и его единомышленников в контрреволюционной деятельности следствием была доказана, а потому Коллегией ОГПУ был осужден к 10 годам изоляции в концлагере с некоторым понижением срока наказания для остальных его соучастников.

Изъятие Рыбалкина на некоторое время задержало рост организации, но когда во главе «федоровцев» встал кулак слободы Новая Калитва Пархоменко Дмитрий Сергеевич (принявший посох и свитку — знаки власти Федора Рыбалкина), то рост и контрреволюционная деятельность «федоровцев» начали постепенно увеличиваться.

1926 и 1927 гг. являлись переломом вербовки последователей «святого Федора» (преимущественно в Россошанском округе). «Федоровцы» быстро увеличиваются в количественном отношении и доходят в общем до 1000 человек, проживающих в 13 населенных пунктах: 1) сл. Н[овая] Калитва — 100 дворов, 2) сл. Криничная — 16 дворов, 3) сл. Терновка — 40 дворов, 4) сл. Талох — 32 двора, 5) сл. Анновка — 12 дворов, 6) сл. Дерезоватое — 14 дворов, 7) хут. Иголкин — 7 дворов, 8) хут. Колбинский — 12 дворов, 9) хут. Редкодубец, из 9 дворов — 8 дворов «федоровщины», 10) хут. Старая Мельница из 45 дворов — 35 дворов «федоровщины», 11) сл. Н-Лиман — 16 дворов, 12) сл. Абросимовка — 24 двора и 13) сл. Белая Горка — 52 двора. Все эти населенные пункты в 1920 г. были охвачены восстанием против советской власти, а сл. Новая Калитва являлась штаб-квартирой банды Колесникова, пополнение которой людьми шло за счет коренных жителей сл. Н[овая] Калитва и дезертиров, скрывавшихся в этих районах. Руководители «федоровцев» — в прошлом кулаки, торговцы, собственники крупных земельных участков, в период бандитизма принимавшие активное участие в бандах, за что были в свое время привлекаемы к ответственности.

Наиболее характерными из актива организации являются:

Пархоменко Дмитрий Сергеевич — кулак, принимал участие в банде Колесникова; родной брат его расстрелян при ликвидации банды. При белых направлял последних для производства обысков у красноармейских семей.

Дорошенко Федор Тихонович — кулак, принимал участие в банде Колесникова.

Пархоменко Иван Ефимович — имел 56 десятин земли, сложный сельскохозяйственный инвентарь, был в банде Колесникова.

Пархоменко Николай Федорович и сын его Николай Николаевич — кулаки, имели 25 десятин купленной земли, до 12 голов рабочего скота. Участвовали в банде Колесникова, при ликвидации коей Иван расстрелян.

Лосевский Петр Григорьевич — кулак. При белых был старшиной, участник банды Колесникова.

Аторкин Степан Кириллович — бывший торговец, собственной земли имел 60 десятин, участник банды Колесникова.

Тощий Тихон Игнатьевич — кулак, бывший жандармский унтер-офицер, два брата расстреляны при ликвидации банды Колесникова.

Хорольский Павел Федорович и сын его Серафим Павлович — кулаки, собственной земли имели 117 десятин, уходили с белыми и продовольствием помогали банде Колесникова.

Архипов Роман Ефимович — кулак, собственной земли имел 90 десятин.

Тущенко Спиридон Гаврилович и сын его Иван Спиридонович имели земли собственной 70 десятин. Тущенко Иван — бывший стражник.

Такой состав руководителей определил и деятельность секты.

В 1928 г. «федоровцы» перешли к активной контрреволюционной работе среди крестьянства. По указанию руководителей сектанты категорически отказались сдавать государству излишки хлеба, платить налоги, самообложение, вышли из кооперации и т.д. «Федоровцы» призывали и крестьянство не покупать крестьянских займов, не вступать в кооперацию, потому что эти мероприятия якобы исходят от антихриста.

Не пуская своих детей в школы, «федоровцы» агитировали за то же самое и крестьянство, мотивируя тем, что в школах детей учат антихристову слову.

Отказывались от подписей на разного рода бумагах.

В целях придания своей контрреволюционной деятельности массового характера руководители «федоровцев» прибегали к устройству торжественных обедов с большим количеством присутствующих (200–300 человек); к шествиям в праздничные дни по слободам в военном порядке — по шесть человек в ряд, в белых одеждах с нашитыми на них крестами и пением «Христос Воскресе» (изображая таким образом белое войско Михаила Архангела). Устраиваемые ими обеды носили аллегорический характер: подавали первым блюдом лук — это должно было означать горькую советскую власть, которую обязательно нужно уничтожить, почему лук съедался весь без остатка; остальные блюда представляли сытую хорошую жизнь после свержения советской власти.

В отличие от других «федоровцев», как мужчины, так и женщины, носили серые и белые одежды с нашитыми на них крестами, а руководители еще носили сшитые из материи пояса (наподобие дьяконских орарей)²⁶⁹. Сверх одежды надевали кресты, от одного до семи, в зависимости от занимаемого в организации положения.

В сл. Н. Калитва, во дворе руководителя Пархоменко Д. С., «федоровцы» устроили молитвенный дом «Новый Иерусалим», где производили «моления» и собрания, на которые собирались ночью, чтобы не быть узнанными. Все свои постройки «федоровцы» украшали крестами для того, чтобы «при приходе белого войска оно не тронуло их, когда будет уничтожать безбожников».

Руководители и активисты секты усиленно распространяли эти кресты среди окружающего населения и отказывающимся от них грозили, что они будут уничтожены «белыми всадниками на белых конях, которые приедут под начальством Архангела Михаила».

Следствием установлено, что, по мнению «федоровцев», «Архангел Михаил» есть никто иной, как бывший великий князь Михаил Александрович и что белые

всадники — это белое войско, которое под руководством Михаила Александровича свергнет советскую власть.

В честь Михаила «федоровцами» был составлен гимн следующего содержания: «Надежда и сила на князя Михаила — посланника божьего к нам. Пусть он окажется великим всем безбожникам, врагам православия».

Этот гимн «федоровцы» поют на собраниях наряду с гимном «Боже, царя храни».

Кроме воздействия через религиозные чувства на отсталую часть крестьянской массы руководители «федоровцев» стремились всякими способами создать среди населения о себе мнение как о большой силе, с которой должны все считаться и которая ни под каким видом не подчинится мероприятиям советской власти, а, наоборот, всячески будет стремиться свергнуть таковую.

Для достижения этой конечной цели — свержения власти «антихриста», «федоровцы», объединенные общим руководством, действовали разными способами, а именно: ведя контрреволюционную агитацию против советской власти и ее мероприятий, они прибегали к провокации, к запугиванию населения пожарами, убийствами и слухами о близости падения советской власти, устройством Варфоломеевской ночи над коммунистами и активистами и т.п. От запугивания «федоровцы» переходили к делу: жгли постройки, били окна у крестьян, в государственных и общественных организациях.

Так, Пархоменко Дмитрием Сергеевичем в начале 1928 г. было предсказано, что в слободе Н[овая] Калитва до праздника Покрова будет 30 пожаров, что на самом деле и «исполнилось».

В каждый праздничный день, в день наибольшего скопления «федоровцев» у Пархоменко, в сл. Н[овая] Калитва ночью вспыхивали пожары. Однажды Пархоменко Д. С. в праздничный день передал, идя из церкви, сверток — «подарок от Бога», как он выразился, своему дяде Захару Пархоменко, который несмотря на уговоры, не хотел вступать в секту. В «свертке» оказались уголь и просфора. Через несколько дней сгорело имущество гражданина Лосевского Семена, расположенного через двор от строений Пархоменко Захара.

Все пожары, бывшие в сл. Н[овая] Калитва, были расположены строго крестообразно.

Если методы контрреволюционной деятельности «федоровцев» в слободах Н[овая] Калитва, Криничная и Терновка выражались в поджогах, в запугивании пожарами и поголовным уничтожением всех не сочувствующих секте, то в хут. Колбинский Сибирко Ефим Павлович пошел еще дальше. Он говорил: «Если Колбинский пионерский отряд не прекратит своего существования, то вместо красного полотняного галстука на шее у каждого пионера будет вырезан такой же галстук».

В результате этого пионерский отряд развалился.

В переписке, изъятой при обыске у сектанта Кобанского, было обнаружено не отправленное письмо своему приятелю, в котором Кобанский заявляет, что он стал бандитом и организует массу для того, чтобы повернуть все вверх дном.

Верхушка «федоровщины», занимаясь контрреволюционной агитацией и распуская провокационных слухов, использовала антисоветскую молодежь, которая, выполняя указания, вела работу по террору населения поджогами и убийствами.

Переоналично действия «исполнителей» были направлены против рядового населения, впоследствии же, по мере развития активности «федоровщины», они свои действия обратили против низового советского аппарата, членов ВКП(б) и

ВЛКСМ, активистов-общественников и лиц, ведущих тем или иным способом борьбу с «федоровцами».

Группа «исполнителей» состояла из 22 человек.

Все они почти перед каждым терактом обыкновенно собирались в доме Шелестова Андрея Андреевича и Яицкого Николая Степановича, откуда под руководством Пархоменко Андрея Ивановича отправлялись по указанию «федоровцев» производить поджоги, бить окна и т. д. В особенности террор был развит в 1928 г., когда только в одной сл. Н[овая] Калитва было произведено «федоровцами» 19 пожаров, 20 краж и 3 убийства. Следствием все эти преступления доказаны полностью.

Наряду с этим «федоровцы» распространяли анонимки с угрозами (больше 30 штук) и даже листовки. Вот одна из них: «Прокламация № 11. Братия, мы должны настоять на своем, чтобы свергнуть из себя дьяволов, на нас сидят эти дьяволы — коммуна. Она не братолюбива. Мы должны перейти всецело в «федоровцы». Советская власть будет нами свергнута. Долой ленинизм, долой коммуны! Давай братский закон!»

Другая листовка: «СССР в конце концов рухнет и будет плохо тем, кто шел против нашего закона. Поступайте в ряды «федоровцев». Нам идет помощь из-за границы. Долой советскую власть!»

Все эти действия «федоровцев» крайне резко отразились на деятельности низового советского аппарата.

Беднота, будучи буквально терроризирована, отказывается ходить на собрания. Население не ходит на собрания. Члены сельсовета отказываются от работы в Совете. В результате вся общественная, советская и партийная работа была сведена на нет.

Население, не примкнувшее к «федоровцам», ложась спать, предварительно вооружалось вилами, топорами и другими предметами, могущими служить оружием защиты.

Следствием контрреволюционная деятельность «федоровцев» вскрыта с достаточной полнотой. По делу было допрошено 250 свидетелей.

Дело слушалось в областном суде. Актив в числе 16 человек расстрелян.

**Контрреволюционная монархическая повстанческая организация
«Дом Романовых» (из «федоровцев»)**

В ноябре месяце 1929 г. была выявлена контрреволюционная организация, охватывающая своим влиянием населенные пункты Россошанского (ЦЧО) и смежного с ним Донецкого (СКК) округов.

Было известно, что организация ставит перед собой повстанческие задачи, пытаясь осуществить их разными средствами. Члены организации вели контрреволюционную агитацию, вербовали сторонников, вооружались и т. п. Для стимулирования антисоветского движения вожди организации выдавали себя за членов царской семьи: наследников, императриц и проч.

На основании этих данных 25 ноября 1929 г. произведены аресты членов организации. Во время ареста руководителя организации Калиниченко Ивана Логвиновича обнаружены четыре трехцветных монархических знамени с надписью «Боже, царя храни», погоны, книга «Царство дьявола на земле» и у члена организации Ткаченко Степана Михайловича переписка с наместником зарубежного Афонского монастыря реакционного направления.

Следствием доказано, что основное ядро ликвидированной организации составили «федоровцы», отколовшиеся в свое время от основателя секты Федора Рыбалкина.

Показаниями ряда обвиняемых установлена следующая картина зарождения организации: развитие ее началось одновременно с организацией секты «федоровцев». В 1921 г. в Ново-Донском монастыре Донецкого округа появился афонский монах Федор Рыбалкин, который стал рекомендовать себя пророчливцем и делать намеки, что он не простой человек. Наметив использовать Рыбалкина как оружие своей борьбы, кулачество распустило слух, что «Отец Федор» на самом деле есть никто иной, как император Николай, чудесно избавившийся от смерти. Молва об этом охватила ближайшие районы, из которых начали стекаться к монастырю кликуши и авантюристы. Получив возможность иметь дело с массой, Федор приступил к организации специальной секты, с явно выраженной монархической окраской. Последователям своим Федор внушает, что власть Советов — это власть антихриста, кооперация и школы «сеют семя антихриста», а потому в них состоять не надо, скоро придет белое войско, которое уничтожит всех безбожников. Последователи Федора отвергали государственные повинности, отказывались от облигаций займа, не платили сельскохозяйственный налог.

Среди актива секты распространялись трехцветные знамена с надписью «Боже, царя храни». Все последователи Федора должны были носить одежду с нашитыми сверху крестами из белой или синей материи. По имени основоположника секта стала называться «федоровской». Никаких канонических отклонений от православия она не имела, но признавала лишь тех попов, которые сидели в Соловках или каким-нибудь другим способом пострадали от советской власти. Кроме того, членам секты было запрещено подписывать какие бы то ни было официальные бумаги и вступать в разговоры о секте с представителями власти.

К моменту зарождения секты около Федора Рыбалкина появились две бывшие монашки, уроженки Россошанского округа Тоцкая Александра и Бабкова Мария, которые стали выдавать себя за императриц Марию и Александру. Как ближайшие помощники Федора, обе монашки ведали всеми делами «императора»: собирали подношения, принимали посетителей, передавали волю старца, наблюдали за активистами секты.

В 1923 г. Рыбалкин с приближенными переходит из Донецкого округа в сл. Н. Лиман Россошанского округа, где и останавливается на жительство. Секта его начинает развиваться, охватывая все новые и новые населенные пункты.

В это время в стц. Верхняковской Донецкого округа появился «наследник Алексей», а в Россошанском округе — мнимая «дочь» императора Анастасия, установившие связь друг с другом через некоего Калиниченко Ивана Логвиновича, человека без определенных занятий, вошедшего в организацию после сближения с Федором Рыбалкиным.

Калиниченко проживал сперва в слободе Николо-Покровской Донецкого округа, помогая брату в хозяйстве. В 1925 г. осенью, прослышав, что в Н. Лимане появился «великий старец Федор», Калиниченко отправился к нему. Федор радушно его принял и после предварительной проверки приблизил к себе. Расположил к себе Федора Калиниченко таким приемом.

Он показывает: «Во время обеда после службы Федор посадил меня против себя. Его жена Ульяна подала на стол чашку чая. За чаем присутствовавшие в доме (человек 60) задавали Федору вопросы: о царе и о советской власти, когда она кон-

чится и т.д. Федор на эти вопросы не отвечал, а свою чашку чая переставил ко мне и сказал, что поставив чашку мне, он требует давать ответы спрашивающим. Я ему заметил: "Брат Федор, я пришел так же, как и другие, послушать Вас", но он продолжал настаивать. Тогда я задал ему и всем вопрос: "Чья эта чашка, этого ли она дома? Хозяин ли Федор этой чашки? Находилась ли эта чашка и раньше в этом доме или она постоянно здесь и все ли время ее хозяин бывал только здесь?" — "Нет", — ответил Федор. "Где же дом хозяина этой чашки", — спросил я. — "Его пропила вся Россия", — ответил Федор. "Будет ли эта чашка и ее хозяин в том доме, откуда они происходят", — вопрос продолжал я. — "Будут все, и вся Россия станет на своем месте", — ответил Федор.

Такие ответы убедили всех присутствующих в том, что перед ними сидит действительно не какой-то Федор, а бывший царь Николай. Следует еще заметить, что поставленная на стол чашка вместе с блюдцем были позолочены.

Вскоре Калининченко был посвящен во все дела секты. Федор обязал его носить кресты на одежде, принять монашество, собирать деньги и продукты, служить сорокоусты²⁷⁰ об истреблении советской власти и о восшествии на престол монарха, говорить проповеди о гибели совета*, о том, что власть советская есть власть антихриста, а потому ее надо свергать и пр.

Калининченко энергично взялся за дело и вскоре прослыл как старец и человек, могущий возглавить дело «борьбы с антихристовой властью».

В 1926 г. Федор Рыбалкин с приближенными был арестован, Калининченко же ареста избежал и стал скрываться.

Зная, что секта «федоровцев» рассматривается властью как контрреволюционная, оставшийся актив организации во главе с Калининченко решил уйти в подполье. С этой целью они спорили с одежды кресты, не стали носить длинных волос.

В интересах конспирации членам организации запрещено было называться «федоровцами» и открыто высказывать свои взгляды. Организация, дабы усыпить бдительность власти, обязала своих членов выполнять все государственные повинности, подчиняться всем требованиям власти и вообще ни чем не отличаться от других граждан. К этому времени в организацию влилась часть «имяславцев», согласных с общими установками «федоровского» подполья.

Облеченному доверием Федора Калининченко открылся доступ к звеньям организации, состоявшим из кулацких группировок. Таких групп выявлено 8, объединенных общностью связей и впоследствии подчинившихся Калининченко:

В г. Богучаре около Лавошниковых.

В г. Богучаре около Сазоновой.

В хут. Жабино около Николенко.

В с. Грековке около Смородиной.

В сл. Н-Павловка около Шамраева.

В сл. Сахарово около Данцевых.

В стц. Верхняковской около Мирошникова.

В г. Павловске около Калининченко.

Знакомство со структурой и кадрами организации началось при следующих обстоятельствах.

Обвиняемый Калининченко показывает: «По дороге к Донецко-Предтеченскому монастырю в 1925 г. мы останавливались в сл. Журавке у неких Логвиновых (улич-

* Так в документе. Речь шла о гибели советской власти.

ная кличка). Утром во двор к Логвиновым заехали на паре лошадей какие-то люди, они вошли в дом и ожидали, пока мы кончим читать акафист²⁷¹. При их входе в семье Логвиновых шепотом говорили «приехал Алеша». Этот Алеша, по народной молве, является наследником Алексеем, в действительности же он назывался Семеном Федоровичем. Спросив про нас и получив ответ, что это люди, идущие в монастырь, Алеша поехал дальше.

От Логвиновых мы перешли к его родственнику Николенко Федоту, к которому из сл. Сафоновки также приезжал Алеша и с ним были еще двое, один из коих Игнат — родной брат хромому Федору. Игнат постоянно сопровождает Алешу, является его правой рукой и, кажется, он ему доставал оружие. Игнат уехал, оставив Алешу в доме Николенко, от Николенко Алеша поехал в с. Грековку к пасечнице Марии Павловне по ее приглашению. Вместе с ним поехала бывшая с нами девушка Елена Акимовна, как послушница. Туда же, в с. Грековку, пришли Анастасия (Нюся) и ее послушница Пелагея (Поля) из ст. Казанки. Анастасия в беседе с нами советовала нам «пойти искать правду» к отцу Иоанну Домовскому в гор. Россошь. К нему мы поехали поездом, туда же поехала мать Мария с тремя дочерьми, тоже монашками, из хут. Колодезь, которых мы встретили у Иоанна. У него мы пробыли одни сутки. Служил он в своем доме, нам там не понравилось, потому что у него все обставлено было слишком шикарно, сходились к нему масса народу богато одетых. По дороге от отца Иоанна мы остановились у Матвея Болящего в сл. Алексеевке. Он — один из организаторов «федоровщины». Матвей Болящий показывал нам трехцветное «федоровское» знамя, такое же знамя в этой слободе мы видели у Аносова Андрея («федовец»). К Алеше мы (Калининченко с 4 монашками) поехали в августе месяце 1925 г., по дороге заехали к Шамраю Савелию, проживающему в сл. Новопавловске Миньковского района Донецкого округа. В его доме собрались Налесников Михаил, Заворочаев Федор, Волохов Григорий, Радко Федор и Налесников Семен Семенович (все новопавловские), кроме этих зашли еще двое из хут. Поповки Сафоновской слободы, одного зовут Василием. Все собравшиеся к Шамраеву вели беседу о том, когда кончится советская власть, выпивали «за здравие батюшки Николая II» и наследника Алексея Николаевича. Вечером в этот день приехал к Шамраеву Алеша. Подъехав ко двору, Алеша выстрелил из нагана. В доме он принимал участие в разговоре и меня просил достать для него оружие и оружие советовал достать для себя. На вопрос: «Зачем оружие», — он ответил: «Для всякого случая, хотя бы для того, чтобы в случае провала пустить себе пулю в лоб».

Место центральной фигуры в организации занял Калининченко, почти такое же положение занимал и «Алеша» (Мирошников Семен Федорович). До знакомства с Калининченко Мирошников работал с кулаками Данцевыми самостоятельно. Упоминавшаяся как руководительница группы Сазонова (мнимая наследница) также вначале держалась от организации в отдалении, до тех пор, пока не познакомились с Калининченко у попа Краснова Семена, проживавшего в с. Каюковка Донецкого округа. Поп Краснов в свое время слыл за одного из самых правильных «федоровских» священников (ныне он в ссылке).

Организация устанавливала и иногородние связи. Калининченко и Сазонова были у попа Домавского Ивана в Нахичиване, Ростов-на-Дону; в 1927 г. Сазонова ездила в г. Козельск бывшей Калужской губернии к старцам Оптиной пустыни якобы на поклонение, и Бабкова и Тоцкая, выдававшие себя за императриц, после ареста Рыбалкина уехали в Киев, где жили в каком-то монастыре и вернулись оттуда в 1927 г.

Кроме того, организация имела связь с границей.

Обвиняемый Ткаченко Степан Михайлович по 1928 г. включительно переписывался с находящимся в Турции Афонским монастырем, куда переводил деньги, и

на условные адреса через некую Бондаренкову Е.Е. и Гаврилова А.А. получал ответы от настоятеля монастыря иеромонаха Иллариона, содержание которых совпадало с убеждениями членов организации о том, что «власть теперь сосредоточена в руках всемирных масонов». В документе от 2 октября 1928 г. иеромонах Илларион сообщил Ткаченко: «Во св. град Иерусалим и к нам, на св. гору Афон, путь закрыт, нет никому пропуска. Все и везде мертво и все в руках масонов всемирных, неизвестно, чем это все кончится».

О наличии связи с заграницей показал Мирошников, которому Калиниченко рассказывал о каком-то письме из-за границы, что Калиниченко отрицает.

Познакомившиеся главари групп между группами установили связь, каковая существовала так: Калиниченко был связан с главарями всех групп и, кроме того, для связи же он использовал четырех ссыльных монашек — «имяславков» Ульяну, Михайлу, Екатерину и Хевронью, с которыми познакомился в гор. Павловске, вынужденный там скрываться после ареста Федора Рыбалкина. Монашки после знакомства с ним слились в организацию. Эти монашки ходили от него к Сазоновой, Мирошникову, к Смородине, к Лавошникову, к Николенко и к Шамраю. Сам он виделся с Сазоновой, Мирошниковым, Лавошниковым, Николенко, Шамраем и Смородиной. С Данцевыми он знаком не был, а знал их через Мирошникова.

Мирошников был связан, кроме того, с Сазоновой, Лавошниковыми, Шамраевым, Смородиной, Данцевыми и Николенко.

Смородина связана с Николенко, Мирошниковым, Сазоновой и Калиниченко.

Николенко связан с Калиниченко, Мирошниковым и Смородиной.

Лавошниковы связаны с Калиниченко, Сазоновой и Мирошниковым.

Шамраев связан с Калиниченко и Мирошниковым.

Сазонова связана с Калиниченко, Мирошниковым, Лавошниковыми и Смородиной.

Данцевы связаны с Мирошниковым.

Все эти связи групп осуществлялись путем встреч между собой их главарей и через специальных посыльных.

Моменты контрреволюционной деятельности организации в целом и своей лично ярко характеризуются обвиняемым Калиниченко в его показаниях: «В доме Шамрая в присутствии Алеша и других упоминавшихся шел разговор относительно войны с Китаем и разбирался вопрос, как мы, “организация”, должны помочь Китаю. Василий с хут. Поповки спросил Алешу: “Кто же будет организатором этой помощи?” Алеша не отвечал. Разговор продолжался: “Нам нечего ждать помощи от других, надо самим организовываться, знать организатора и свернуть советскую власть”. Алеша все молчал, тогда я сказал: “Ежели вы признаете в Семене Федоровиче (Алеша) способного организатора и если вы знаете, кто он, то вот вам и организатор”. На этом все удовлетворились. Вечером, на другой день, я с Иваном Петровичем заехал в Б-Верхний хутор, с нами был Федор Заворочаев, в доме у Алеша был еще какой-то тамошний житель. После того как мы собрались, Алеша вышел во двор, дал им свистка несколько сигналов и выстрелил из нагана три раза. На сигналы пришли несколько человек женщин и мужчин, приехала еще подвода с двумя молодыми парнями, которые часто с Алешей совещались шепотом и выходили во двор. В этот вечер Алеша рассказывал нам о том, что еще при царствовании отца ему какой-то старец предсказал, что ему придется странствовать, переносить разные горечи и скорби, и будет даже такое время, когда придется самому на

себя наложить руки, но все-таки он останется в живых и добьется своего. Весь этот вечер беседа велась вокруг названного вопроса...

Шамрай для поездки давал мне собственные документы и дал 185 руб. денег, из которых, сказал, 90 руб. принадлежат ему и Михаилу Колесникову, а остальные — «от братьев», не указав, от кого именно; до этого я получал через него по 10 и иногда по 5 руб.

Монашки Михайла, Хевронья, Ульяна и Евгения из Павловска ушли искать Анастасию и больше не возвращались, от них у меня осталось 4 знамени трехцветных и несколько маленьких знамен.

Из этих 4-х знамен одно я должен был отдать городской организации в Павловске старшему ревнителю, бывшему почтарю Волобу, брат которого, бывший офицер, проживает тоже в Павловске. Второе знамя — в с. Лосево Павловского района для Лосевского кружка, третье знамя — Елизаветскому кружку, Котренко Ивану Петровичу, и четвертое знамя принадлежит мне».

Инициатива по насаждению во главе организации авторитетов в виде мнимых наследников и наследниц принадлежала кулакам, как показывает обвиняемый Мирошников Семен Федорович («наследник Алеша»): «Еще в 1924 г. (показывает он), когда я жил на Верхнянском хуторе, ко мне приехали из Зеленковского хутора Павловского сельсовета граждане Волохов Григорий Григорьевич с Михаилом Семеновичем Налесниковым под предлогом якобы поворожить. В действительности же они приглашали меня как наследника Алексея Николаевича поехать к ним; я отказался и отказывался еще несколько раз от приглашений, когда они заезжали, но потом согласился. Первый раз привезли они меня к Григорию Волохову, куда собрались Шамрай Савелий, Налесников Михаил Семенович и др. Тут среди собравшихся Михаил Налесников больше всех настаивал на том, чтобы я прекратил отрицать свое царское происхождение, и говорил [что] «нечего скрываться от них, т.к. я нахожусь среди верных людей». В случае признания он обещал обеспечить меня материально — обувать меня, одевать, снабжать деньгами и т.д. и в этот же вечер расспрашивал меня про Николая II, про наследниц, как про моих сестер. Требуя признания, он гарантировал мне сохранить все в тайне. Второй раз, весной 1925 г., такого же признания от меня добивались в доме Шамрая Савелия, здесь был ограниченный круг людей. Разговоры шли вокруг моего признания преимуществ прежней, царской, России перед ныне существующим строем, говорили, что жить без царя невозможно и нелегко».

Далее он показывает о приеме его кулаками как наследника престола: «Данцев Игнат Никитович все время старался достать мне оружие, по его словам, по поручению Ивана Логвиновича (Калиниченко). Григорий Волохов рассказывал, как в доме у себя, в шкафу, он скрыл от ареста Ивана Логвиновича... После того как я познакомился с Иваном Логвиновичем, я был с ним в доме Шамрая Савелия, за мной заехал Данцев Игнат Никитович с двумя неизвестными гражданами и отвез в Жабовский хутор к Федору Николенко. К моему приезду весь его дом был полон народа, на полу была набросана трава и цветы, обстановка была торжественная. В серебряных подсвечниках горели толстые свечи, навстречу мне вышли Иван Логвинович и хозяин дома Федор Николенко. Введя в дом, Иван Логвинович представил меня народу за наследника, говоря при этом: “Глядите, народ — пришел наследник”, — и, обращаясь ко мне, сказал: “Чего ты оробел перед своим народом, это твой народ”, — народ в это время молился и отдавал мне земные поклоны. Сам Иван Логвинович призывал народ кланяться мне, в доме было около 100 человек».

Наравне с руководством и направлением в определенное русло контрреволюционной деятельности организации актив ее расширял свои кадры, вербуя новых членов с помощью разных методов.

Калининченко как «старец» обрабатывал посетителей на исповедях, Сазонова и Мирошников под видом наследников обещали за поддержку и в будущем всякие награды, кулаки же просто ставили вопрос о необходимости избавиться от власти, которая «душит крестьян и не дает жить». Но кроме этого, пожалуй, основную роль играли проповедники организации.

Вот что показывает о них Калининченко: «Наши проповедники ходили по селам, по монастырям и главным образом по избам кулаков и деревенских богачей. При встречах с людьми выслушивали их жалобы и этим самым нащупывали людей, недовольных советской властью. К таким людям наши проповедники относились с доверием и начинали их втягивать в организацию. Лично мне известны четыре таких проповедника».

Руководители организации имели свою форму работы. Так, Калининченко обычно, принимая посетителей, ставил следующие вопросы: «Признаешь ли ты, что монарх жив и вся его семья здравствует? Будешь ли помогать ему, веришь ли что теперешняя власть от антихриста?» и т. д. Если посетитель отвечал утвердительно, Калининченко развивал перед ним картину бедствия при советской власти и призывал встать в свои ряды. Обычно каждому он предлагал обязательно приобрести трехцветное знамя с надписью «Боже, царя храни». Надо сказать, что к нему пускали на исповедь не всех желающих, а лишь тех, кого рекомендовали члены группы.

Мирошников воздействовал на массу своим авторитетом наследника, в чем ему усердно помогал Калининченко.

Сазонова приходящим к ней обещала скорое избавление от большевиков, а наиболее близким раздавала портреты настоящего наследника, которые она рисовала сама.

Остальные члены организации обычно на своих собраниях обсуждали практические вопросы: о восстании, о подборе для этого людей, о руководителе.

Чаще всего собиралась группа Шамрая. В нее входили Заворочаев, Налесниковы Михаил и Семен, Волохов Григорий, Родко Федор и Иван.

Калининченко иногда заезжал на эти собрания и одно время, месяца два, жил у Григория Волохова в доме, скрываясь от ареста. Мирошников также бывал у Шамрая, причем всегда приезжал ночью. Однажды Мирошников приехал к Шамраю с двумя жителями хут. Поповки Дон[ецкого] округа Семеном и Василием (фамилии устанавливаются). Там уже были Калининченко и все остальные члены группы. В начале беседы присутствовавшие выпили, поднимая тосты за «батюшку императора Николая и наследника его». Затем перешли к обсуждению вопросов организации и порешили: в случае, если Китай погонит большевиков, помочь Китаю в этом, устроив восстание.

При этом Семен, приехавший с Мирошниковым, спросил: «Кто же будет организатором этой помощи?» Калининченко ответил: «Если вы все знаете Семена (Мирошникова) и признаете его, то вот вам и вождь». Против него никто не возражал.

В другой раз группа Шамрая, на собрании которой также присутствовали Калининченко и Мирошников, обсуждала вопрос о свержении власти. Калининченко заверял, что ждать осталось недолго, что поэтому надо усиленно собирать людей и средства. После собрания Калининченко предложил Мирошникову достать оружие и вооружаться.

Собирались и другие группы. Так, сам Мирошников показывает: «Когда я бывал у Данцевых, то всегда у них заставал человек по 10 крестьян-кулаков. Обычно

велись разговоры обо мне, как о наследнике, о том, что советскую власть надо свергать, что действовать надо решительнее и быстрее и пр.».

Группа Данцевых держала связь с бывшим офицером Кривкиным, который, в свою очередь, по показаниям Мирошникова, был связан с офицерами, скрывающимися от советской власти.

Группа Николенко главным образом обслуживала квартиру для приема посетителей к Калининченко, а также и тех, кто желал видеть наследника. Дом Николенко являлся общественным местом организации, где обработка пришедших велась открыто. Чаще всего к Николенко можно было попасть, только переговорив предварительно с Смородиной. У ней же находили иногда приют Калининченко и Мирошников.

Следует отметить характерную форму гарантий на случай провала, которую проводили активисты организации.

Всем, кого они обрабатывали или втягивали в организацию, они непременно доказывали, что «их люди есть везде», что и в милиции, и в ГПУ, и в центре, Москве, они имеют своих сторонников. «Почему, — говорили они, — если вас арестуют, то ни одного человека из группы вы не должны называть, ни о чем, что касается нас, вообще не говорить, иначе за несоблюдение этих правил вас сразу же расстреляют, т. к. кто бы вас ни допрашивал, это будет обязательно наш человек». Запугивание имело значение: даже некоторые активисты этому верили, о чем впоследствии сознались на допросе, объясняя причину отказа говорить что бы то ни было в предварительных показаниях о группах, а тем более о «наследниках».

Характерно, что вовлеченные в организацию женщины (преимущественно молодые) впоследствии становились жертвами низменных побуждений собственных вождей: Калининченко (больного сифилисом) и Мирошникова (больного гонореей), вступавших поочередно с женщинами в половое сожитие.

Однако, несмотря на бытовые извращения, участники организации ставили перед собой четкие задачи, основная цель которых сводилась к свержению советской власти. Организация подбирала людей, собирала для этого средства, выдвигала вождей, обрабатывала крестьян, используя проповеди, исповеди, приобретала оружие и трехцветные монархические знамена с надписью «Боже, царя храни», под которыми рассчитывали выступить. О задачах организации Мирошников показывает: «Организация монархическая, главной своей целью ставит свержение советской власти и восстановление царя. Самосвержение мыслится путем вооруженного восстания, для чего подготавливаются группы недовольных этой властью кулаков и офицеров с помощью агитации, с использованием Священного писания. Подготовка к этому ведется по нынешний день, и со дня на день члены организации ждут вспышки».

Калининченко показывает то же самое и объясняет, что такие задачи «мы ставили перед членами нашей организации».

Организация в этой области достигла реальных результатов. К выступлению против советской власти было подготовлено казачество, о чем показывают обвиняемые Налесников Михаил Семенович и Мирошников С. Ф.

Налесников Михаил показывает: «Судя по разговору с казаком Недорезовым Яковом Васильевичем с хут. Грачева Балка Мешковского сельсовета, среди казаков того же района выросли и царят повстанческие настроения. Недорезов говорил мне, что еще с времен империалистической войны у них (казаков) сохранился золотой крест, который мы поднесем тому, кто первый нас освободит, казаков».

Мирошников добавляет: «Казак этот говорил: крест они поднесут тому, кто освободит их от советской власти, и уже есть казаки, которые готовы выступить против советской власти и по первому зову сесть по коням».

Всего по делу проходит 36 человек. Часть членов организации не арестована, т. к. разыскать их на территории СКК не удалось.

Дело об организации, согласно указаний СО ОГПУ, было заслушано областным судом. Главари в количестве 6 человек расстреляны.

Контрреволюционная организация «ермиловцы»

В мае месяце 1930 г. в Елецком округе нами ликвидирована сектантская организация «ермиловцев», называвшаяся так по имени руководителя Ермила Баркова. Изъят актив в числе 56 человек.

Произведенное следствие показало, что в числе «ермиловцев» мы имеем организацию, аналогичную по действиям ликвидированным «федоровцам», с той разницей, что здесь отсутствует кричащая показная сторона (нашитые знаки на одежде, знаки на избах и т. п.), но наличествует та же конспирация, распространение слухов о приходе белого воинства, слухи о Варфоломеевской ночи, невыполнение госповинностей и контрреволюционная деятельность по срыву мероприятий советской власти, проводимых на селе.

История возникновения ее такова:

В 1917 г. в дер. Островки вернулся с военной службы Барков Ермил Павлович, крестьянин этой же деревни. Возвращение Баркова со службы совпало с проходящими в тот момент в деревне выборами в Учредительное собрание. Барков в выборах принял активное участие, проводя усиленную агитацию за то, чтобы крестьянство голосовало за список меньшевиков. В этих целях на общих собраниях граждан Барков вел агитацию с разъяснением задач партии меньшевиков и ее отношения к крестьянству, через индивидуальную агитацию убеждал крестьян голосовать только за меньшевистский список. Ведя агитацию против списков других партий, Барков особо рьяно агитировал против списка большевиков, говоря: «За номер большевиков вы не голосуйте, если за этот номер будете голосовать, то к власти придут разные бродяги, антихристы и мы все пропадем», или: «Кто будет голосовать за большевиков, тот не христианин; большевики — это народившийся антихрист, и если они возьмут власть в свои руки, то всем нам будет плохо».

Выступлениями на общих собраниях Барков не ограничивался, ведя широкую агитацию индивидуально, и многие из крестьян ходили к нему на дом за разъяснениями. Результатом агитации Баркова было то, что за небольшим исключением почти вся деревня Островки голосовала за меньшевистский список.

После провала Учредительного собрания поведение Баркова Ермила сразу же резко изменилось: он замкнулся в себе, собрания почти перестал посещать, выступлений антисоветского характера также почти не делал, а сколотил вокруг себя небольшой кружок, с которым у себя на дому проводил читки Библии и других священных книг.

В то время ядром и основным составом этого кружка были сам Барков Ермил Павлович, племянник его и главный помощник Бурыкин Михаил Ефанович и брат Барков Илья Павлович.

Кроме этого, на сборища вовлекались и другие, но постоянными посетителями они не были. Уже в этот период, не ведя открытой антисоветской деятельности, данный кружок высказывает свое отрицательное отношение к советской власти: ни одного предписания местных властей он не выполнял, с продрозверсткой и труд-

гужповинностью также не считался. Если учесть, что все это происходило в условиях особенного напряжения в гражданскую войну, то становится вполне ясным контрреволюционный смысл подобного бойкота распоряжений государства.

В 1919 г. группа расширяется до 6 хозяйств, преимущественно ближайших соседей Баркова Ермила. В этот год в нее, кроме указанных ранее, вливаются Понарин Иван Платонович, Понарин Константин Платонович и Пузиков Николай Васильевич, в данный момент являющиеся наиболее активными членами организации «ермиловцев». Сборища учащаются, при этом начинаются беседы не только религиозного, но и прямо антисоветского характера, а именно:

«На земле родился антихрист и одновременно с ним появилась советская власть, а, следовательно, эта власть — антихристовая и выполнять требования этой власти — это значит содействовать антихристу. Кто будет помогать советской власти или чем-либо ей содействовать, тот будет строго наказан Богом».

Кроме того, Барков своей группе разъяснял: «Люди боролись за свободу, а в результате, когда пришли к власти большевики, то получилось насилие: берут насильно налог и насильно забирают людей в Красную Армию». В отношении Красной Армии установка была определенная: «Идти в Красную Армию грешно, потому что защищать антихриста перед Богом недопустимо».

В 1919 г. и позднее вся молодежь дер. Островки поголовно дезертировала и в ряды Красной Армии не шла. С целью искоренения дезертирства в дер. Островки, тогда еще Тербунской волости, несколько раз приезжал отряд по борьбе с дезертирством, но работа его была не только безуспешна, но получала в ряде случаев открытое сопротивление. Так, например, в 1919 г. во время приезда отряда во главе с бывшим военным комиссаром Тербунской волости Полухиным, когда отряд собрал всех дезертиров и начал убеждать их в необходимости службы в Красной Армии, под влиянием агитации Баркова со стороны дезертиров посыпались заявления: «Вы говорите свобода, а нас насильно забирают в Красную Армию». Тут же был собран общий сход, который под влиянием агитации участников группы под руководством Баркова Ермила поднял бунт, и отряд был из деревни изгнан.

В 1922 г. снова наблюдается прилив новых членов. К 6 ранее состоявшим в организации прибавляются еще 2 хозяйства: Пузикова Ивана Иосифовича и Понарина Василия Александровича. До следующего момента роста, 1927 года, деятельность группы в этот период остается аналогичной деятельности предыдущего периода, т. е. по-прежнему участники организации сторонятся общих сходов, упорно не выполняют все госповинности, не идут сами и не пускают своих родственников в ряды Красной Армии.

В 1925 г. начинают циркулировать слухи о скорых переменах власти. В 1926 г. организация впервые показывает открыто свое антисоветское лицо путем срыва собрания по самообложению. Характерно отметить на нем выступление старого «ермиловца», кулака Пузикова Ивана Иосифовича, который высказал открыто желание перемены власти и возвращения царского строя с его порядками: «Самообложение нам не нужно, нужно это коммунистам, пусть собирают сами деньги, советская власть также не нужна нам, коммунисты — это чиновники, которые деньгами набивают свой карман, пусть у нас будет все по-старому, как при царе: сельский староста и писарь».

В 1927 г. в группу в результате усилившейся деятельности вливается ряд новых хозяйств, и уже общее количество достигает 13 домохозяйств. Последующие годы дают приток новых членов: в 1928 г. в организации уже состоит 24 хозяйства, в 1929 г. — 45 хозяйств и весной 1930 г. — 53 хозяйства.

Все важнейшие мероприятия советской власти, проводимые на селе в период 1929–1930 гг., встречают отчаянное сопротивление «ермиловцев», ведущих работу по их срыву. Так, в момент осенней посевной кампании в дер. Островки производился массовой сплошной засев полей сортовой рожью «Триумф». С целью противодействовать этому мероприятию вечером 18 августа Барков Ермил созывает совещание организации с участием Бурькина Михаила Ефановича, Пузикова Ивана Иосифовича, Понарина Степана Павловича, Понарина Ивана Павловича, Пузикова Николая Васильевича, Понарина Ильи Ивановича и др., всего до 20 человек. На этом совещании Барков дает организации установку — противодействовать засеvu сортовой ржи, заявляя: «Засев сортовой рожью — это в интересах советской власти, советская власть — власть антихриста, значит сеять придется в интересах антихриста, мы же обязаны бороться с антихристом и его делами».

Результатом данного совещания было то, что все члены организации «ермиловцев» отказались от засева сортовой ржи «Триумф» и тем самым сорвали в деревне посевную кампанию.

Хлебозаготовительная кампания в 1929 г. встретила резкий отпор со стороны «ермиловцев». При проведении контрактиции в октябре месяце 1929 г. Барковым снова созывается совещание, на котором дается установка противодействия контрактиции под прикрытием библейских учений и о необходимости борьбы с антихристом. Барков говорил: «Хлеб везти советской власти не нужно, наш хлеб идет для того, чтобы откупиться от войны с иностранными государствами, если бы не он, то коммунистов давно бы задушили, отвозить хлеб — это значит помогать косвенно антихристовой советской власти, а раз так, то значит бороться против Бога, после чего Бог не сможет нас помиловать».

На этом совещании были выступления и ряда других «ермиловцев». В результате при хлебозаготовках все «ермиловцы» категорически отказались сдать имеющиеся у них излишки государству.

Особенно резкое контрреволюционное выступление организация «ермиловцев» произвела в феврале месяце 1930 г., когда в дер. Островки приступили к организации колхоза.

Еще ранее попыток организации колхоза в январе месяце 1930 г., при сборе семенных фондов, «ермиловцы» устроили сборище в доме руководителя организации Баркова Ермила Павловича, где было вынесено решение сорвать сбор семенного фонда, ничего не дать самим в этот фонд и ни в коем случае не допустить организации колхоза. Сопротивление при этом было оказано вполне организованно. Сами члены «ермиловской» организации категорически отказались от засыпки семян.

Два последующих собрания, 14 и 15 февраля, точно таким же образом были сорваны «ермиловцами», которые снова собирались в полном составе в школе и разгоняли бедноту. Организация колхоза в дер. Островки была сорвана.

Особенно яркую контрреволюционную деятельность «ермиловская» организация развернула весной 1930 г. при проведении весенней посевной кампании, причем зафиксированы 2 факта организованных сборищ их по срыву этого мероприятия советской власти. Первое совещание Барковым Ермилом было собрано, как только сельсовет начал производить отпуск семян. На нем была дана установка всем членам организации: «Семена брать из сельсовета не нужно, т. к. в их получении заставляют расписываться, а кто распишется в списке, тот будет считаться членом колхоза».

Таким образом, все 53 хозяйства категорически отказались от засева земли, причем с целью воздействия на остальных крестьян по селу были распушены слухи о том, что «кто возьмет семена, у того родятся камни».

Контрреволюционная деятельность «ермиловцев» резко сказалась и в распространении тех провокационных слухов, которые циркулировали за два последних месяца (апрель и май) в дер. Островки и в соседних селениях.

В определенные дни, а именно: в чистый четверг, перед Пасхой, под 1 Мая и 15 мая членами «ермиловской» организации ожидалась откуда-то помощь, какая-то «страсть». Уже с конца апреля ходили слухи: «Будет страсть: придет белое воинство на белых конях, Бог отделит чистых от нечистых и будет нечистых истреблять». Слухи эти очень запугивали окружающее крестьянство, среди которого некоторые этого прихода в самом деле боялись и ждали. В эти дни члены организации мылись, одевались чисто, в праздничные белые одежды, ничего не делали, всю ночь спали одетыми, всю ночь у них горели огни.

Особенно усиленные слухи распространялись 15 мая, причем эти слухи были и в соседнем с. Новосильском. Позднее, в этот же день, потекли слухи, в результате которых в с. Новосильском произошла паника: говорили, что «в лесу, около дер. Островки, появились белые воины на белых конях, которые ловят для своего войска белых лошадей»; сельский актив и уполномоченный РИКа Журавлев ездили в лес для проверки этих слухов, но никаких белых воинов, конечно, там не оказалось. Что эти слухи исходили от «ермиловцев», можно судить по разговорам женщин, которые говорили: «Ермил Павлович так рассказывал».

Далее, по словам крестьянина с. Новосильское Золотухина Сергея Николаевича, ему рассказывал какой-то гражданин с. Островое, что «ермиловцы» ожидали 15 мая для того, чтобы совершить нападение на местных советских работников, причем выступить хотели с оружием и ждали, что во всей России поднимется восстание православных за притеснение церкви.

С момента зарождения организации «ермиловцев» в дер. Островки участились пожары: в [19]23 году сгорело 15 домов [лиц], не состоящих в группе «ермиловцев». За это время ни одного случая пожара у «ермиловцев» не было, за исключением пожара у Чернышева Федора Тихоновича, но этот случай произошел при следующих обстоятельствах: состоя до этого в группе «ермиловцев», Чернышев заколебался и стал осмеивать эту организацию, взял семена и хотел засеять землю, и в первых числах апреля у него сгорела изба. На следующий день он пришел к Понарину, председателю сельсовета, узнать, как получить страховое вознаграждение, когда же страх агент приехал для составления акта, то Чернышев категорически отказался от страховки и подписи акта, заявив: «Вашей помощи мне не нужно, что Бог взял у меня, то и даст».

После этого он снова поступил в организацию.

Во второй половине мая месяце 1930 г. член организации Моргачев Иван Михайлович, встретившись в лесу с гражданином Понариным Александром Петровичем, заявил: «Мы вас скоро подушим, советской власти с нами справиться трудно, нас уже стало 12 тысяч».

Дело слушалось Тройкой ПП ОГПУ. Пять активистов расстреляно.

Контрреволюционная организация «стефановцы»

«Стефановцы» имеются только в пределах Белгородского округа. Секта эта организовалась еще до революции, но внешне оформилась в 1923 г., с момента раскола православной церкви. Они прекратили ходить в церковь, а в ряде населенных пунктов, насыщенных сторонниками, организовали домовые церкви, а в с. Дроновка Кр.-Яружского района была даже организована школа по подготовке попов.

На территории округа «стефановцы» имеются в селах Русская Березовка, Вязовое, Касилово, Теребрино, Дроновка Кр.-Яружского района, Смородино и Казачья Лисица Грайворонского района и Стригуны Борисовского района. Общее количество взрослых «стефановцев», по последним данным, составляет 504 человека. Общие принципы секты монархические и по отношению к мероприятиям советской власти таковы: не давать подписей в каких бы то ни было документах, не вступать в колхозы и кооперацию, считая их происками антихриста, а некоторые из «стефановцев» даже заявляют, что мы советскую власть не признаем, что защищать ее с оружием в руках не будем. За истекший период среди «стефановцев» были ликвидированы 3 группировки, наиболее резко проявившие себя в антисоветской деятельности, а именно: в с. Дроновка была снята вся руководящая головка в количестве 12 человек. Так же в селах Теребрино и Р. Березовка — по 12 человек и одиночек — 5 человек.

В период выселения кулачества по II-й категории нами было обращено особое внимание на «стефановцев» и было выселено из разных сел 18 кулацких семейств. К настоящему моменту среди «стефановцев» мощных кулаков нет, за исключением одного частично раскулаченного Ванина, проживающего в с. Дроновка.

Помимо этого, нами были приняты меры к недопущению приезда «стефановских» попов; этим самым, хотя медленно, но «стефановцы» разлагаются, так например: в с. Дроновке, где была самая мощная община, имелась нелегальная школа попов и была самая тесная связь с епископом Варлаамом Лазаренко и благочинным Подгорным, проживающим в г. Сумы (УССР); после ликвидации верхушки в селе осталось только 10 дворов «стефановцев», причем весь молодежь от секты откололся и принимает участие в общественной жизни, посещает школу и т. д., чего раньше не наблюдалось.

Такое же положение наблюдается и в с. Теребрино, где имеется налицо только 12 семейств (главы которых нами привлечены к ответственности). В этих семьях твердо держатся одни лишь женщины, молодежь же откололся.

В с. Касилово имеется 70 человек «стефановцев», но после выселения кулацкой верхушки общение их между собой не наблюдается, молитвенного дома они не имеют, и лишь некоторые ездят в село Б[ольшая] Писаревка УССР, где имеется «стефановская» церковь. В с. Вязовое была община 151 человек, имелась домовая церковь, но с раскулачиванием владельцы этой церкви Варвары Литвяк церковь была закрыта и дом приспособлен под детские ясли колхоза, имевшийся же поп Прокофий Грушко (самоучка из местных крестьян) перешел в православную церковь, где и служит в настоящее время. Благодаря этому произошло слияние религиозных общин, и резкой антисоветской деятельности со стороны «стефановцев» в с. Вязовое не стало наблюдаться, за исключением актива из 11 человек, в который входят участники восстания в с. Вязовое в 1920 г. Эта группа нами прорабатывается. Для внутреннего освещения ее завербован один специальный осведомитель.

В с. Русская Березовка, хотя кулацкая верхушка «стефановцев» нами была изъята, тем не менее, община насчитывает в себе 183 члена. Инициаторами и руководителями общины являются середняки. Община конспирируется и более фанатична, чем вязовская, благодаря чему оказывает большое влияние на местное население.

В с. Каз[ачья] Лисица имеется 22 семьи «стефановцев», имелся молитвенный дом, но в настоящее время за отсутствием попа таковой закрыт, причем «стефановцы» на молитвы собираются группами по 10–15 человек в домах бывших руководителей, чего в других селах не наблюдается. Руководящая группа из 4-х человек нами подрабатывается к высылке.

В с. Смородино имелось всего 8 семейств «стефановцев», из коих было 6 кулацких, которые высланы по II-й категории, и две семьи, оставшиеся в селе, середняцкие.

В с. Стригуны имеется всего лишь 13 «стефановцев», которые активной антисоветской деятельности не проявляют.

В общем же все «стефановцы» — глубокие фанатики и своими рассуждениями о конце света, о власти антихриста, о предстоящей войне сильно влияют на крестьян, в особенности женщин. Репрессивные мероприятия к отдельным лицам не везде дали положительные результаты; так, например, в с. Р[усская] Березовка фанатизм так глубоко укоренился, что попадающие в «стефановскую» среду малодушные крестьяне становятся такими же фанатиками и заявляют, что за Бога они готовы умереть, а в советской власти они не заинтересованы и защищать ее с оружием в руках не будут. Такие слова говорил демобилизованный красноармеец, вошедший в секту всего лишь несколько месяцев тому назад.

«Стефановцы» Белгородского округа через посредство своих руководителей связаны с дочерью основателя секты Стефана Подгорного — Прасковьей, проживающей в г. Богодухово УССР, и другими «стефановцами», живущими в Б[ольшой] Писаревке, Сумах и Угрюмах УССР. До 1929 г. «стефановцы» были под непосредственным руководством епископа Варлаама Лазаренко (расстрелян СКК ПП ОГПУ), который в 1928 г. бывал даже в селах Дроновка, Русская Березовка у руководителей «стефановцев». «Стефановцы» по своей идеологии и образу действий принадлежат к сектам краснодраконовского типа.

Контрреволюционная группа «Имяславцы»

В с. Танцыри Борисоглебского округа в начале июня с.г. ликвидирована контрреволюционная организация «имяславцев» в количестве 12 человек — руководящего состава и актива из следующих лиц:

1. Филиппов Викентий Степанович (монах Викентий), бывший настоятель Троицкого женского монастыря, после ликвидации коего выбыл в с. Танцыри, где как священник возглавлял сектантскую организацию «имяславцев».

2. Долгов Родион Прокофьевич, 60 лет (монах Руф), который являлся одним из организаторов «имяславцев», в секте коей активно работал.

3. Харитонов Егор Абрамович (монах), 55 лет, один из организаторов группы «имяславцев» и активный член таковой.

4. Федякина Анна Сергеевна, 39 лет, черничка.

5. Коробова Маланья Сафроновна, 43 года, черничка.

6. Дубовицкая Татьяна Петровна, 46 лет, черничка.

7. Кремнева Мария Трофимовна, 30 лет, черничка.

8. Поспелова Мария Ивановна, 38 лет, черничка.

9. Титлин Егор Михайлович, 45 лет, бывший торговец.

10. Рогожников Николай Егорович, 31 год, кулак, бывший бандит.

11. Елецких Василий Иванович, 48 лет, крепкий середняк, брат организатора «имяславцев» монаха Елецких Максима Ивановича.

12. Шипилов Алексей Пименович, 45 лет, середняк.

Кроме того, отдано распоряжение об аресте Черепанского Алексея Егоровича, бывшего арендатора 200 десятин земли, комбата зеленых, и Тюнина Сергея Никитовича, бывшего активного бандита.

Из указанных лиц взятые середняки являются одними из активнейших членов «имяславской» группировки.

В процессе следствия установлено: 1. «Имяславская» группировка с. Танцыри организована монахами бывшего Афонского монастыря Елецких М.И., Харитоновым Е.А. и Долговым Р.П. в 1927 г., к которым сначала присоединились поименованные чернички, а затем были втянуты и прочие граждане. Данная группировка имела связь с Беловым Петром, проживавшим на Кавказе.

2. Собрания, под видом молитвенных, устраивались в домах Елецких М.И., Титлина Е., Хожайлова В.М., Стрельникова И.С., Рябова Ф.А. На эти собрания посторонние не допускались и даже, по показанию гражданина Коптева, охранялись часовыми. На собрания прибывали монахи и неизвестные лица из сел Петровского и Поворино Борисоглебского района.

3. Конкретная деятельность «имяславцев» — агитация против хлебозаготовок осенью 1929 г., стремление разложить колхоз, организованный весной 1930 г., в результате чего они добились своей цели, а именно: из 1700 хозяйств, вошедших в феврале-марте в колхоз, не вошли только хозяйства «имяславцев», за которыми благодаря деятельности последних потянулось и все население, так что в результате в колхозе осталось только 130 хозяйств. Не останавливаясь перед этим, «имяславцы» решили показать свое влияние на население тем, что организовали 14 мая женскую демонстрацию (присутствовало до 500 женщин), которые, напившись пьяными, с белым флагом шли по улицам под музыку гармонь и пели антиколхозные частушки:

«Аэроплан, аэроплан, резиновые ножки,
Отведут нас в колхоз — приделают рожки».
«Отрежь мне руки, нос, не пойду в колхоз».
«Как у наших у ворот, у нашей калитки,
Задушился коммунист на суровой нитке».

4. Методы работы — закрытые собрания, где проводилась читка газет и «Священного писания», причем все заметки, указанные в статьях газет, находили свое толкование и разъяснялись на основе «Священного писания» как сбывающиеся пророчества, в смысле приближения царства антихриста.

5. При обысках какого-либо материала компрометирующего характера обнаружено не было.

За оставшимися сочувствующими «имяславцам» объектами нами установлено негласное наблюдение через спецосведомление и инфсеть.

Каких-либо антисоветских проявлений до сих пор со стороны оставшихся «имяславцев» замечено не было.

Контрреволюционная группа «иоанитов»

С. Н[ово-] Покровское Лискинского района. Рабочий Лискинского депо Юго-восточной железной дороги Глухов Константин Петрович, 1898 г. рождения, проживая в с. Ново-Покровское Лискинского района, начиная с 1922 г. начитавшись книг Иоанна Кронштадтского, стал ходить по соседним селам: Ст. Покровка, Залужное, Песковатка, Н. Икорец с проповедью о Боге, посещал собирающихся в этих селах по домам вечерами кликуш, фанатиков и т.д., почетающих Иоанна Кронштадтского за святого.

В с. Ст. Покровка в доме чернички Сазоновой Марфы и Сущиной Марии Глухов Константин организует место постоянных сборищ черничек, фанатиков, крестьян, чтущих Иоанна Кронштадтского, и по ночам производит моления.

В период 1922 г. Глухов знакомится с бывшим стражником гор. Коротояка Остафьевым Дмитрием, имевшим к тому времени у себя в Коротояке кружок последователей Иоанна Кронштадтского, а затем совместно же с Остафьевым стал наезжать в с. Платаву Репьевского района, где особенно много было сектантов. Отбив у местного руководителя сектантов Андрея Сахарова, слывшего за пророка, всех его последователей, Глухов в Платаве организовал второй центр сборищ «иоанитов», в доме местного регента церкви Кретьнина Семена (бывший стражник).

В 1924 г. Глухов увольняется с работы с железной дороги, мотивируя уже нежеланием соприкасаться с антихристом (советской властью) и состоять в антихристовом профсоюзе, и устраивает в доме Сазоновой домашнюю церковь, убедив своих последователей, что теперь истинно православных церквей нет, что нужно идти по стопам Иоанна Кронштадтского, особого избранника божьего, бороться за православную веру, помазанника божия и вести монашеский образ жизни. Одновременно с этим Глухов среди своих последователей повел подкрепляемую Священным писанием и изречениями из книг Иоанна Кронштадтского агитация о появившемся на свет антихристе в лице Ленина, коммунистах — последователях антихриста, организованной ими советской власти и всех ее мероприятиях как антихристовых и т.д. Одновременно убеждал своих последователей сторониться, не иметь никаких соприкосновений и тем более не давать экономической помощи советской власти, не делать никаких добровольных на что бы то ни было отчислений, не писаться на займы, ни в коем случае не читать советские газеты, журналы, книги и вообще литературу, а также не сдавать при хлебозаготовках хлебных излишков и вести повседневную борьбу за свержение советской власти.

От своих последователей Глухов требовал, как от чтущих учение и жизнь Иоанна Кронштадтского, выполнять монастырский устав, не есть мяса, масла, сала, молока, ни в коем случае не жить половой жизнью, девицам замуж не выходить, а уже замужним — жить как брату с сестрой.

Сам же Глухов, в подкрепление проводимой агитации, разводится с женой и ведет монашескую жизнь. Заводит одновременно знакомство со странствующими монашками. Конспирирует свою контрреволюционную работу и уже собирает своих последователей также и в пещерах под Дивногорским монастырем: приобрел лодку и переезжал на ней по Дону к пещерам, где вел антисоветскую работу и выковывал для проведения таковой в других селах агитаторов из среды фанатиков и кликуш.

Последовательница Василиса Сазонова отдает Глухову свою пятнадцатилетнюю дочь Марфу в духовные жены. Многие, продавая имущество и скот, несли Глухову деньги для организации тайной церкви; по уставу монастыря, подчиняясь внушению его, оставляют посещение мирской церкви, собираясь только для слушания проповедей Глухова в его доме, в пещерах и в домах других последователей.

Духовная жена Марфа Сазонова, живя с Глуховым и изучая под его руководством Священное писание, становится его первой помощницей и затем объявляется «матушкой». Пользуется большим авторитетом. Сазонова заверяет последователей о святости Глухова, а при разъездах по селам с мужем для антисоветской работы, при обработке крестьян и втягивания в свою организацию начинает доказывать, что ими руководит бог.

Через члена организации «иоаннитов» Хмыловскую, состоящую уже 30 лет в организации и ранее имевшую связь с Варшавой, знакомится в пещерах под Дивногорским монастырем с руководителем такой же организации в Шахтинско-Донецком округе, вновь посвященным попом, бывшим матросом Федором. Этот Федор привозил с собой церковное оборудование — облачение — и служил тайно в доме Глухова и квар-

тире Хмыловской, а также исповедовал и причащал всех последователей «иоанитской» организации, руководимой Глуховым. Этим разжигался религиозный фанатизм членов религиозной организации, и агитация, проводимая среди крестьян, увеличивалась с большим успехом, так как каждый член организации после проводимых тайных, по всем правилам монастыря, служб с почитанием царствующих особ и последующими проповедями об антихристе был заряжен еще больше фанатизмом.

Усматривая в дальнейшем необходимость в более частых для членов своей организации молениях и видя невозможность пользоваться частыми посещениями Федора для исполнения треб, Глухов выезжает с некоторыми последователями в Киев и там уже у иеромонаха Вениамина без всяких затруднений постригается в монахи, а затем епископами Георгием и Димитрием посвящается в иеромонахи. Возвратившись из Киева как иеромонах, Глухов тут же организует в своем доме на собранные от членов организации деньги тайный, имени Святой Троицы, монастырь.

В организованном Глуховым монастыре исключительно по ночам при дежурных для наблюдения за улицей и сигнализации опасности велись службы, на кои из сел Старо-Покровка Лискинского района, Платава и Россошки Репьевского района, г. Коротояк, с. Троицкое, Болдырево, Голдаевка Коротоякского района и других мест стекались последователи Глухова, считающие себя как последователи Иоанна Кронштадтского.

На тайных ночных сборах кроме служб, на коих поминался за упокой царь Николай II, говорились проповеди с толкованием в контрреволюционном духе Евангелия. Истолковывалась советская власть и все ее мероприятия, профсоюзы и др. организации, тем или иным путем связанные с ними, антихристовыми мероприятиями. Ленин истолковывался как появившийся с 1917 г. на землю антихрист, а коммунисты — его последователями. Всем членам организации было внушено, что советская власть погибнет не позже 1935 г. Поэтому, чтобы спасти истинно верующую часть населения и не дать антихристам окончательно погубить православную веру, Глуховым членам организации вменялось в обязанность вести среди крестьянства агитацию с призывом не сдавать государству хлебных излишков, не писаться на займы, не делать никаких добровольных отчислений и на что бы то ни было взносов, всячески противодействовать мероприятиям советской власти, не ходить на собрания, не читать советские газеты, журналы и литературу, не допускать организовываться колхозам и не идти в них, так как всякий идущий в колхоз, помогающий советской власти, состоящий в той или иной организации или даже просто соприкасающийся каким-либо путем с советской властью и ее организациями погибнет от меча и огня царя Михаила, который по свержении верующими с помощью Бога советской власти придет на престол для спасения православной веры-церкви и для уничтожения последователей антихриста и всех с ними соприкасающихся.

Особо отличающиеся в своей контрреволюционной работе Глуховым постригались в монахи и монашки, после чего уже по специально данному Глуховым заданию разъезжались по селам и проводили среди крестьян антисоветскую агитацию и вербовали в свою организацию.

От каждого вновь вступающего члена требовалось не есть мяса, масла, сала, вести монашескую образ жизни с обязательным прекращением половой жизни. Последнее требование, как заявлял сам Глухов, не давало возможности массовых вхождений в их организацию, поэтому в ней были наиболее стойкие, на все решающиеся крестьяне.

Благодаря агитации Глухова, чтобы не дать советской власти и колхозам скота, члены организации резали скот, укрывали хлеб и т.д. Так, Орина Карцева и

Петр Карцев, будучи ревностными последователями Глухова, зарезали только осенью в 1929 г. 22 головы крупного и мелкого скота, продали его в Воронеже, а деньги отдали Глухову на контрреволюционную работу. С той же целью Горбунов продал свое имущество, а многие члены организации, продавая тоже имущество и скот, несли деньги Глухову.

Контрреволюционная организация «иоаннитов» под руководством Глухова 19 января 1930 г. во время тайной ночной службы в своем монастыре была нами арестована в количестве 44 человек.

Свою контрреволюционную работу и борьбу за свержение советской власти Глухов и члены организации не скрывали, в своих показаниях открыто заявляли, что хотя и взяли их, все равно советская власть с коммунистами, колхозами и колхозниками погибнет, и хоть репрессируют их, все равно будут продолжать борьбу за свержение советской власти и восстановление православного правительства во главе с царем Михаилом.

За контрреволюционную деятельность, вполне доказанную следствием, из 44 арестованных «иоаннитов» судтройкой при ПП ОГПУ по ЦЧО были трое главарей секты — Глухов и два брата Карцевы — расстреляны, а остальные присуждены на разные сроки концлагеря.

Кроме вышеуказанных ликвидированных контрреволюционных организаций и групп, на территории ЦЧО в настоящее время мы имеем разрабатываемые 3 контрреволюционные монархические церковные организации: «подольцы», «украинцы» и «буевцы» и 18 контрреволюционных группировок.

Кроме того, мы имеем по сектантам разрабатываемые 4 контрреволюционные монархические организации («стефановцы», «ермиловцы», «федоровцы» и «Белый Голубь») и 5 контрреволюционных групп. Большинство из организаций и групп нами уже ликвидируются.

По всем разработкам будут представлены докладные записки.

Заместитель ПП ОГПУ по ЦЧО
Дукельский
Начальник СО
Ильин

г. Воронеж

Ф. 2. Оп. 8. Д. 530. Л. 1—87. Подлинник.

№ 295

ОПЕРРАЗВЕДСВОДКА № 128 ОО ОГПУ
по борьбе с бандитизмом за период с 20 по 25 октября 1930 г.

Не ранее 25 октября 1930 г.

ЗАКАВКАЗЬЕ

За последние дни продолжают отмечаться активные бандвыступления во всех республиках Закавказья и особенно в Азербайджане.

**«TOP SECRET»:
LUBIANKA TO STALIN
ON THE STATE OF THE NATION
(1922–1934)**

The Editorial Board:

A. N. SAKHAROV, V. S. KHRISTOFOROV, G. N. SEVOSTIANOV,
V. K. VINOGRADOV, T. VIHAVAINEN, M. KIVINEN,
L. P. KOLODNIKOVA

Moscow — 2008

**«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»:
ЛУБЯНКА — СТАЛИНУ
О ПОЛОЖЕНИИ В СТРАНЕ
(1922–1934 гг.)**

Редакционный Совет:

А. Н. САХАРОВ, В. С. ХРИСТОФОРОВ, Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ,
В. К. ВИНОГРАДОВ, Т. ВИХАВАЙНЕН, М. КИВИНЕН,
Л. П. КОЛОДНИКОВА

Москва — 2008

